

А.А. ЛЮБИЦЕВ

РАСЦВЕТ И УПАДОК ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А Л Е Т Е Й Я

Александр Любищев

**Расцвет и упадок
цивилизации (сборник)**

«Алетейя»

до 1972 г.

УДК 63
ББК 930.85

Любищев А. А.

Расцвет и упадок цивилизации (сборник) / А. А. Любищев —
«Алетейя», до 1972 г.

ISBN 978-5-903354-51-1

Предлагаемый сборник исторических статей и материалов – важнейшая часть богатейшего духовного наследия А. А. Любищева, своего рода «дневник ученого», который включает в себя статьи по истории, культуре, литературе, мысли о прочитанных книгах, просмотренных пьесах и фильмах, а также переписку 1948–1969 гг. с учеными и друзьями.

УДК 63
ББК 930.85

ISBN 978-5-903354-51-1

© Любищев А. А., до 1972 г.
© Алетейя, до 1972 г.

Содержание

Тайный жребий профессора Любичева	6
Е. А. Равдель (урожд. Любичева)	10
I. Петербург-Петроград	11
II. Симферополь – Пермь	16
III. Самара (Куйбышев)	21
IV. Ленинград	23
V. Киев – Пржевальск – Фрунзе	25
VI. Ульяновск	28
Историческая публицистика	31
Мысли о Нюрнбергском процессе[3]	31
Положительное и естественное право	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Александрович Любичев

Расцвет и упадок цивилизации

© А. А. Любичев, наследники, 2008

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2008

Тайный жребий профессора Любищева

*Но спор с обоими досель мой жребий тайный,
И клятве ни один не мог меня привлечь.*

А. К. Толстой

Нина Берберова в мемуарах «Курсив мой» говорит о персональной символике, о важности распознать свои личные мифы, создающие внутреннюю структуру личности и помогающие устоять перед ударами судьбы. Александр Александрович Любищев в 1952 году в небольшом эссе «Основной постулат этики» сформулировал свой завет-миф: жить и поступать так, чтобы способствовать победе Духа над Материей. Конечно, имеется в виду не злой дух, а добрый дух. Но сама фамилия Любищев уже есть знак добра.

Стиль творческого и жизненного поведения Любищева (1890–1972) являл удивительную гармонию трех начал: рационального, интуитивного и эмоционального. Таких людей с библейских времен называют мудрецами. Они открыты к людям и всем потокам жизни. Но и это не все. В одном из писем Любищева есть признание: «Я люблю трепаться и валять дурака». В своем генофонде он находит гены гилларизма (веселости) и оптимизма. Мудрость была и остается веселой, как сказано еще в притчах Соломона. И мудрость Любищева была как раз таковой. Она поднимала дух у отчаявшихся и раздавала щелчки критики в ответ на самомнение и непогрешимость научных и философских догм.

В его стиле необычайно ярко воплощались свойственные ему «гены антидогматизма и интеллектуального загребенизма». Эта любищевская метафора действительно характеризует его необычный врожденный дар, о котором единодушно писали самые разные его корреспонденты. С позиций генетики это можно сравнить с другим редким природным даром – способностью к цветному звуку, свойственному ряду поэтов (Бодлер, Блок). Эта особенность заметна во многих творениях Набокова. Он же дал ее краткое выразительное описание («Дар», «Другие берега»): розовая фланелевая буква «м», грязная, как прошлогодняя вата «ы», гуттаперчевое «ч». При этом одна и та же буква «а» по-разному окрашивалась у него на разных языках. Мать Набокова тоже была одарена этой способностью, но цветовая палитра одних и тех же букв у них не совпадала!

Свой врожденный критический дар Любищев ценил, тренировал и развил в необычайной степени. Во-первых, он любил полемику. Во-вторых, смолоду, после прочтения любой статьи или книги он делал в своих дневниках их концептуальный и историко-культурный анализ. В-третьих, ему был свойственен платоновско-сократовский диалогический или диалектический метод, когда в позиции оппонента выявлялись исходные постулаты, о которых тот в начале диалога или не подозревал, или просто принимал на веру, считая логически безупречными, и этот, сопоставимый с цветным слухом дар, был рано оценен коллегами и затем всеми, кто соприкоснулся с творчеством Любищева. Достаточно сказать, что уже в начале 20-х годов такие биологи как Л. С. Берг и Н. И. Вавилов посылают ему на критический анализ свои работы. И недаром в 60-е годы физик академик И. Е. Тамм, будучи знаком с Любищевым еще по Таврическому университету в Крыму, называл его статьи-письма непревзойденным образцом эпистолярного жанра.

Любищеву нравилась аналогия из рассказа А. Франса, где дьявол заявляет, что истина – белая, а все убеждения разных сект – только отдельные лучи спектра, составляющие единую Истину. Большинство его оппонентов старалось сохранить в чистоте свою линию спектра. Любищева привлекали необычные, даже самые одиозные построения. Их элементы могли быть

включены в общий синтез. Он умел каким-то непостижимым образом даже среди околонучной сферы, граничащей с шарлатанством (алхимия, астрология, парапсихология, «восточная мудрость»), находить «жемчужные зерна», которые он очищал и поднимал на рациональную высоту.

Спор с обоими, отказ примкнуть к какому-то стану был тайным жребием Любицева. Он отнюдь не делал из этого секрета, охотно цитируя строки любимого поэта А. К. Толстого: «Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя / Пристрастной ревности друзей не в силах снести / Я знамени врага отстаивал бы честь». При этом его критический меч оставался добрым, лишенным мстительности и фанатизма. Ибо чувствовалось главное – движение к истине, уважение, а не поражение оппонента и желание понять его наиболее сильные доводы, не придираясь к запятым.

Одним из равновеликих Любицеву друзей-биологов (по интеллекту, образованности и устремлениям к высшим духовным ценностям) был Борис Сергеевич Кузин (1903–1973). Если у Любицева доминировало критическое, рациональное начало с любовью к математике и статистике, то Кузина отличало глубинное имманентное влечение к художественной и иррациональной сфере, почти профессиональная погруженность в область музыки («орбита Баха») и поэзии. Он переводил с латыни Горация и Катутла, писал стихи, а его эссе с описанием случайной и прямо-таки провиденциальной встречи в Армении с боготворимым им поэтом Мандельштамом можно читать и перечитывать как прекрасный образец прозы. Чудо-встреча летом 1930 года большого поэта и большого натуралиста оказалась в подлинном смысле слова животворно-взрывной для обоих. К Осипу Мандельштаму вдруг вернулась способность писать стихи, утраченная на ряд лет после волкодавной травли советскими критиками («мне на шею кидается век-волкодав»). Мандельштам позднее напишет об этой встрече: «Когда я спал без облика и склада / я дружбой был, как выстрелом, разбужен».

Саркастически и парадоксально мыслящий Кузин пришел постепенно к выводу, что в спорах не только не рождается истина, но чаще всего портятся дружеские отношения. Ибо два собеседника – это два по-разному настроенных инструмента, и мысль каждого воспринимается искаженной, как в диалогах дон Кихота и Санчо Панса. Но диалоги с Любицевым были исключением. В вышедшей недавно книге воспоминаний Кузина (Петербург: Инка пресс, 1999) находим такие строки из его письма в октябре 1950 года: «Любицев прожил у меня неделю. Оба мы остались очень довольны этим свиданием. Поговорили обо всем. Как водится, непрестанно спорили с ним и ругались. Но научные споры с ним не приводят к порче отношений. Он бесконечно добродушен и столь же объективен. С точки зрения развития критических способностей Любицев не может сравниться ни с одним из известных мне зоологов. Но чудак он первостатейный и совершенно подкупающий своей простотой и добротой. Для меня его приезд был величайшим удовольствием и настоящим отдыхом».

Мнение большинства при спорах в науке и на социально-исторические темы мало заботило Любицева. Ибо с большинством можно считаться тогда, если каждый его член вырабатывает свое мнение совершенно свободно и непредвзято. А этого никогда не бывает – слишком силен идол авторитетов и давление окружающих. Любицев же любил идти наперекор и напоминал афоризм Оскара Уайльда: если со мной все соглашаются, я чувствую, что не прав.

Творческое наследие Любицева велико и разнообразно. Оно включает работы по теоретической биологии, собранные в посмертной книге «Проблемы формы, эволюции и систематики живых организмов» (Л.: Наука, 1982), статьи в области истории науки и культуры, философии, выписки и комментарии к прочитанным статьям и книгам, колоссальную переписку с известными деятелями науки и культуры и многими самобытными корреспондентами.

В 2000 году в серии «Философы России XX века» издательство «Алетейя» выпустило два тома работ Любицева «Линии Демокрита и Платона в истории науки и культуры» и сборник «Наука и религия», куда вошли и многолетние эпистолярные диалоги с двумя его друзьями

– биологами Б. С. Кузиным и П. Г. Светловым. Видимо, теперь не будет казаться преувеличением, когда Павел Григорьевич Светлов в дни 70-летия Любищева отметил его «совершенно особое место в нашей научной общественности», назвав «лидером оппозиции к казенщине в нашей философии».

Конечно, слово «казенщина» лишь в слабой степени отражает духовную атмосферу, которая стала складываться сразу после прихода к власти большевиков. «Вы являете первый опыт введения социализма посредством подавления свободы... Вообще сердце сжимается при мысли о судьбе того слоя русского общества, который принято называть интеллигенцией», – писал Короленко в 1920 году в ставших теперь известными письмах Луначарскому. Короленко невольно оказался пророком, хотя не желал им быть. Место философии занял суррогат веры, воинствующий материализм, невежественный и догматически-агрессивный. Науки и искусства после периода постреволюционного взлета из самоценных областей человеческого духа шаг за шагом стали стягиваться обручами идеологии и рассматриваться как служанки в главной задаче – строительстве социализма в одной отдельно взятой стране. Вслед за репрессиями религии и целых ветвей гуманитарных наук последовали концентрационные лагеря...

Неожиданно поэтическая метафора-предчувствие начала века оказалась в СССР близка к реальности: «А мы, мудрецы и поэты / Хранители тайны и веры / Унесем зажженные светлы / В катакомбы, в пустыни, в пещеры» (В. Брюсов). Эти строки приходят на ум, когда читаешь переписку двух хранителей тайны и веры – Б. С. Кузина и Любищева. Кузин в середине 30-х годов оказался в ссылке на полупустынной биостанции Шортанды, а Любищев в годы войны – в Киргизии, катакомбном Пржевальске. Однако их эпистолярные эмоционально острые и увлекательные споры в пространстве мысли и духа и сегодня, спустя десятилетия, выступают как «зажженные светлы». Мысль и стремление к личной свободе, видимо, нельзя полностью истребить из человеческой популяции.

Начиная с 30-х годов были лишь единичные случаи, когда ученые позволяли себе попытки выходить за пределы идеологических резерваций. В области естественных наук – это Павлов в его протестующих письмах в Совнарком и Вернадский в его научно-философских работах. Но все это оставалось никому не известным. И вот, пожалуй, Любищев был первым, кто, начиная с 1953 года, открыто решился на критику идеологических и философских устоев режима. Сначала это были научные и научно-публицистические статьи против лысенковщины. Любищев рассылал их в руководящие научные инстанции, в редакции газет, многим своим коллегам, подчеркивая их открытость для чтения и распространения. Хотя при жизни Любищева ничего из его научной публицистики не было опубликовано, она неявно сыграла важную роль в антилысенковском противостоянии (см.: Любищев А. А. В защиту науки. Л.: Наука, 1990). Догматическое казенное представление режима о «двух лагерях» в философии и науке настолько отвращало Любищева, что он в пике казенщины открыто называл себя идеалистом. Сейчас уже трудно представить драматизм ситуации, в которой очутился Любищев в 50-е годы, с открытым забралом вступившись за генетику и науку вообще, где абсолютное большинство честных ученых, находясь под мощным прессом официальной идеологии, не делали различий между противоположениями типа «научный – ненаучный» и «материализм – идеализм».

Достоевский оставил нам «Дневник писателя», читая который мы погружаемся в острые идейные и этико-философские споры, волновавшие русское общество в пореформенный период XIX века. Особенностью «Дневника писателя» была его публицистичность, ориентация на диалог с читателем, исповедально-раскованный эмоциональный стиль. Из творческого наследия Любищева может быть составлен аналогичный «Дневник ученого». Ибо не было ни одного серьезного события, ни одной заметной книги или статьи на протяжении более двух десятилетий послевоенного времени, которые остались бы без внимания Любищева в его письмах, заметках, эссе. С тем только важным различием, что Достоевский вел свой дневник и диалоги с читателями в открыто издаваемом журнале «Гражданин», редактором которого он стал

в декабре 1873 года. А Любищев спустя почти сто лет отстукивал свои заметки-эссе на драндулетной пишущей машинке на тонкой папиросной бумаге (постоянно в поисках копирки) и рассылал их своим друзьям и корреспондентам, а иногда в некоторые редакции, как отклик читателя без надежды на публикацию. Эпистолярная публицистика Любищева распространялась в научном сообществе по типу самиздата и способствовала преодолению «разрухи в головах».

Писатель Даниил Гранин, автор первой книги о Любищеве «Эта странная жизнь», вышедшей еще в 1974 году, размышлял спустя двадцать лет, почему при нынешнем потоке гласности и остроте публикаций мысль Любищева сохраняет неубывающую свежесть: «Она покоряет не столько смелостью, сколько внутренней свободой, нравственным достоинством и прежде всего совершенно своеобразной точкой зрения... Суждения его куда более независимы, чем наши нынешние, казалось бы, получившие волю». Есть такое понятие в индийской философии – сатьяграха – упорство и бесстрашие в искании истины, отказ следовать порядкам и выполнять действия, которые нельзя принять на моральной основе. Сатьяграха входило в кредо Махатмы Ганди, и недаром его философия и действия были близки Любищеву.

В настоящем томе эссе и заметки из творческого наследия Любищева сгруппированы в три раздела. В первый из них – «Историческая публицистика» – вошли размышления Любищева так или иначе связанные с одними из самых катастрофичных событий мировой новейшей истории. Это Вторая мировая война («Мысли о Нюрнбергском процессе»), это геноцид армянского народа в начале XX века, предтеча гитлеровского геноцида («О романе Франца Верфеля „Сорок дней Муса-Дага“»), это французская революция с ее массовым террором, ставшим как бы репетицией и оправданием большевистского террора («В. Гюго. „Девяносто третий год“»). Сюда же мы включили размышления Любищева об идеологии Сент-Экзюпери, написанные им в 1960-м году после прочтения записных книжек писателя, вышедших во Франции в 1953 году. Парадоксальные, глубокие и в то же время по-французски изящные заметки Сент-Экзюпери о судьбах цивилизации в XX веке произвели глубокое впечатление на Любищева и послужили ему поводом для бесстрашного для его времени сопоставления сталинизма и гитлеризма и осмысления трагического опыта построения советского варианта социализма. Наконец, в этот же раздел мы включили написанное в один присест в типичном любищевском стиле эссе «Апология Марфы Борецкой» – о переломном моменте в русской истории, о чем Любищев, следуя А. К. Толстому, писал в другом эссе так: «Разгром Новгорода – несчастье не только для Новгорода, но и для всего русского народа и даже отчасти для всего человечества» («Если бы» // «Звезда». № 10, 1999).

Во второй раздел «Идейное наследие русской литературы» включены размышления по поводу творчества ряда классиков русской литературы, роль которой в формировании русского общественного сознания была необыкновенно велика, затмевая и историю, и философию. Но при этом нередко убеждения чувств подменяли убеждения разума и в таком виде передавались из поколения в поколение. Критический анализ Любищева безусловно не утратил актуальности и оригинальности. В третий раздел, условно названный «Двух станом не боец», включены десять самых разных мини-эссе Любищева. Как по каплям воды можно узнать вкус моря, так и читателю эти мини-эссе помогут соприкоснуться с духовным миром, стилем жизни и творчества Любищева.

М. Д. Голубовский

Е. А. Равдель (урожд. Любищева)
Александр Александрович Любищев
(1890–1972)
(Биографический очерк)

31 августа 1972 года умер мой отец, Александр Александрович Любищев. Его смерть была всеми воспринята как внезапная катастрофа – он не был постепенно угасающим старцем, кончина которого ожидается закономерно. До конца своих дней отец был таким, как всю жизнь – человеком разумным и добрым. Он считался очень здоровым и, хотя с 1969 года ходил на костылях вследствие перенесенной травмы, перелома шейки бедра, все близкие так же, как и он сам, надеялись на его силы и крепость. Отец думал, что сможет прожить дольше, как и его отец, мой дед, т. е. до 87 лет, по крайней мере. Но его настигла тяжелая болезнь, о которой никто не подозревал.

В начале августа 1972 года он поехал с женой в г. Тольятти по приглашению директора Биостанции АН СССР, Николая Андреевича Дзюбана. Там он должен был прочесть небольшой цикл лекций, но успел – только одну: в ночь после выступления он заболел и сразу же был помещен в больницу, где его положение было признано тяжелым. Рано утром 25 августа я прилетела в Тольятти и провела с ним последние семь дней его жизни.

Похоронили его там же, в Тольятти; дирекция и сотрудники Биостанции взяли на себя все организационные хлопоты; тело его предано земле там, куда он приехал, полный энергии, полемического пыла и творческих планов. Гроб с телом отца стоял сначала на крыльце Биостанции над Волгой, где и произошло прощание; было сказано много проникновенных и умных слов...

Поскольку наука никогда не была моей профессией, мне не удастся рассказать о работе отца так, как это могут и уже делают ученые, но мы с ним всегда были очень близки духовно, он много общался со мной и моими братьями.

Я постараюсь рассказать о жизни моего отца – по мере моих сил и осведомленности.

I. Петербург-Петроград

Отец родился в Петербурге 5 апреля 1890 года в семье очень богатого лесопромышленника, жившей в собственном доме на Греческом проспекте в огромной квартире со множеством прислуги. Образ жизни этой семьи был обычным для петербургской крупной буржуазии. Благополучие, основанное на частной собственности, насколько мне известно, стало у отца с раннего детства вызывать протест. Но отца своего он любил, с уважением относился к его активной деятельности, к его религиозности и положительным чертам его характера – доброте, щедрости и здравому смыслу. Мать отца, моя бабушка, по его рассказам не выглядела привлекательной в своем образе мыслей и поступках, хотя ничего особенно дурного в ней не было. Самой отрицательной чертой вообще, и в ней в частности, отец считал равнодушие к судьбам других, «не своих» людей. Несогласия отца с родителями не выражались в скандалах и криках, не было и споров. Примерно с одиннадцати лет он установил для себя свой собственный режим жизни, занятий и развлечений. В семье, например, выполнялись церковные обряды, регулярно посещалась церковь. Отец мой рано от этого отказался; мой дед часто потом вспоминал, что это делалось отцом не в оскорбительной форме, а так, что причины отказа вызывали уважение – он «всегда был занят».

Учился отец в 3-м Реальном училище. С очень раннего возраста он избрал себе определенный научный путь, разделил все области знания и культуры на обязательные для себя и ненужные. К последним он отнес тогда полностью всю художественную литературу, театр, искусство. В те времена многое в человеческой культуре он считал порождением «буржуазного образа жизни и праздных вкусов».

Отец избегал пользоваться услугами горничных, сумел добиться у родителей переустройства комнат для прислуги. От забот своей матери об его одежде, устройстве и комфорте он рано и решительно уклонился. По его рассказам я знаю, что тогда он считал корнем всех бедствий человечества частную собственность, называя ее воровством. По сбивчивым и путаным позднейшим рассказам бывших горничных их дома я знаю, что отец и перед ними, молодыми тогда девушками, развивал свои идеи. Но из дома он не ушел... И жил, хотя и ограничив себя скромными рамками, на «прибавочную стоимость». Потом в нашей семье, когда мы стали подрастать и обобщать виденное и слышанное, это выражение стало предметом для шуток.

Занимался отец очень много. Еще мальчиком он преуспел в определении насекомых и изучил серьезные труды по естествознанию. В школе выделялся математическими способностями, ему прочили карьеру именно в точных науках. В классе он был первым учеником, училище окончил с золотой медалью. К истории и литературе интереса не проявлял и ничем тогда в этих отраслях знания не отличался. Но он не считал это пробелом в своем образовании, так как не находил возможным тратить время и силы, предназначенные только науке, на такие «неважные» вещи, как художественная литература и история. И как это изменилось потом!

Отец много занимался с отстающими учениками, своими товарищами. Он потом говорил нам, что это было для него чрезвычайно полезно и вполне заменило ему подготовку заданий и проработку обязательных программ.

Обучение в 3-м Реальном училище Петербурга отец считал хорошим. В статье «О школе» (1953) он во многом ссылается на свой собственный ученический опыт. Метод обучения, система заданий и проверки, даже учебные программы, он находил целесообразными и хорошо продуманными. Ничем лишним учеников не обременяли. В особенности развитию отвлеченного мышления способствовало писание сочинений на заданные темы, смысл которых надо было сначала самому «раскрыть» и дать собственное толкование. Курс математики был обширный, в последних классах проходили начала дифференциального исчисления и аналитической геометрии. Требования были очень высокими. В классе, где учился мой отец, из

25 человек в первом классе до конца дошли без отставания всего пять человек. Конечно, отец понимал, что условия тогда были совсем другими, обучение не носило массового характера, как сейчас, но, тем не менее, многое из системы 3-го Реального училища отец считал возможным поставить в пример современной организации образования.

Никого из школьных товарищей отца я не знаю. Все они рассеялись, никаких связей у нас с ними не сохранилось. Вероятно, отец отличался от большинства школьников своими склонностями, занятиями и образом жизни. Спорт он, однако, очень любил, особенно лыжи и коньки. Как он сам рассказывал, в зимние каникулы он обычно уезжал на родительскую дачу в Териоках (Зеленогорск), ходил там на лыжах и таким образом избегал общества, собиравшегося на праздниках в доме. Этого общества отец чуждался, даже несколько презирал барский его уклад. Некоторые из бывших служащих моего деда рассказывали мне в тридцатых годах, что старшего сына деда они даже толком не знали, так он был от всего далек, так безучастен к делам семьи, но все знали, что он слышет «подрывателем основ», нигилистом.

Можно считать, что отец мой еще в средней школе сформировал планы и цели своего жизненного пути. Точно так же определился он и в отношении общественно-политических взглядов – стал решительным республиканцем и отрицателем права частной собственности. Но активно заниматься политикой ему было некогда – на это он также не отпустил себе времени.

В ранней юности отца в семью деда в качестве репетитора моих теток-гимназисток ходил студент-технолог, Леонид Иванович Елькин. Он был значительно старше моего отца, но они подружились, и эта дружба оказала большое влияние на формирование у отца революционных идей. Л. И. был «крайне левым», сторонником решительных действий. И был он в высшей степени светлой личностью, человеком высокого душевного благородства, самоотвержения и долга. Я познакомилась с ним в двадцатых годах, в Перми. Отголоски настроений того времени прошли через все наше детство. Революция избавила три поколения нашей семьи от «хлопот», от бремени собственности. С этой, весьма нешуточной собственностью (состояние моего деда перед революцией оценивалось в 30 миллионов рублей), почти все члены семьи расстались с легкостью и без сожаления, это я могу свидетельствовать с полной ответственностью... Само понятие собственности в семье моего отца для нас, детей, стало звучать как нечто совершенно порочное. Детским ругательством стало слово «собственник». Такое умонастроение возникло, конечно, под влиянием некоторых, очень лаконичных, замечаний отца, – ведь понять смысл его мировоззрения мы смогли только гораздо позже. Я и теперь часто спрашиваю себя, в чем же была сила этого влияния – ведь с отцом мы бывали очень мало, большей частью с нами находились разные няни, иногда бабушка.

Думаю, что сила идей разума и справедливости даже для маленьких детей была покоряющей и очевидной. «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног...», – воодушевлено пел нам папа. И мы «со страшной силой» отрекались и отрясали...

Впрочем, это относится ко временам гораздо более поздним, т. е. к двадцатым годам, а в годы, когда происходило духовное становление отца, т. е. задолго до революции, нас ведь и на свете еще не было.

Окончив Реальное училище, отец в 1906 году поступил в Петербургский университет. (Стоит добавить, что в реальных училищах не было древних языков – латыни и греческого, но была обширная программа по математике, физике и естественным наукам.) Отец имел право без экзаменов поступать в любой технический ВУЗ того времени – Горный, Путейский, Политехнический, Технологический и др. Но он захотел идти в университет, для этого ему пришлось сдать гимназический курс латыни. За лето он подготовился и сдал отлично, поступив на физико-математический факультет, естественное отделение. К латыни он с тех пор пристрастился и всю жизнь много работал с источниками на этом языке. К моменту поступления в университет отец уже был (в 16 лет!) очень образованным человеком в области естественных наук. К тому же, в детстве и в школе он в достаточной мере овладел французским и немец-

ким языками; «Анну Каренину» он прочел в немецком переводе – для того, чтобы, знакомясь с классическим русским произведением, не терять зря времени и заодно практиковаться в немецком языке, необходимом для науки. «Анну Каренину» он нашел скучным и заурядным образцом беллетристики.

Английский язык отец выучил позднее по собственному методу. Он заключался в том, что используются все «отбросы времени» – езда в трамваях, стояние в очередях и пр. – на чтение иностранных книг. Сначала, конечно, все будет непонятно, следует пользоваться словарем и ознакомиться с основами грамматики – все это делать «на ходу». А потом все время читать, читать и читать! «Постепенно, – говорил он, – словарный запас возрастет и уже не будет никаких затруднений. А говорить – вообще очень просто: надо начать письменно излагать содержание прочитанного, таким образом создается привычка к составлению фраз, а уж говорить после этого – проще простого!»

Отец считал, что лучше всего он владеет именно английским. На этом языке он большей частью переписывался и разговаривал с иностранными учеными. Свободно читать он мог и на итальянском – позднее он прочитал в подлиннике «Божественную комедию» Данте (много споров у него возникло по поводу этого творения с близкими друзьями, даже конфликтов при оценке его значения). Не вызывала у него затруднений также литература на испанском, голландском и португальском языках. Он слыл всю жизнь полиглотом, был этим знаменит среди друзей и знакомых.

С ранней юности отец предназначил себя для науки. Он считал, что для этого необходимо строжайшим образом выделить себе то и только то, что знать обязательно, иначе не хватит жизни. Однако после тщательного отбора круг необходимых знаний оказался столь широким, что стала ясной неизбежность наиболее полного и целесообразного использования времени, отпущенного на жизнь, – в этом отец видел свой непреходящий долг. В своем дневнике он писал: «Если я хочу совершить то, о чем мечтаю, то необходима строгая планомерность и расчетливость в пользовании временем... это значительно увеличило бы мою работоспособность».

В университете отец работал по морфологии полихет в лаборатории профессора В. Т. Шевякова и побывал на практике на морских зоологических станциях в Неаполе (1909) и в Виллафранке (1910). В Неаполе он был со своим товарищем по университету и другом, Иваном Николаевичем Филиппьевым. Первая научная статья отца была опубликована в 1912 году в трудах Неаполитанской станции (1).¹

В 1911 году отец окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета с дипломом первой степени. Темой его дипломной работы было сочинение «О перитонеальных мерцательных клетках и окологлоточной перепонке у полиноид» (2).

По окончании курса летом 1912 года он работал на Мурманской биостанции в г. Александровке, заведовал которой Герман Александрович Ключе. Вместе с отцом там работали его университетские друзья: В. Н. Беклемишев, Д. М. Федотов, И. И. Соколов, Б. Н. Шванвич, С. И. Малышев и многие другие. О мурманской жизни мне приходилось слышать много от моего отца и его товарищей. Сохранилось много фотографий того времени. Все они жили вместе, работали много и самозабвенно. Они и развлекались, совершая длительные экспедиции по Кольскому полуострову, плавали на морских лодках, купались в Екатерининской гавани в восьмиградусной воде и потому называли себя моржами. В их рассказах вставал перед нами Ледовитый океан, скалистый холодный полуостров, своеобразие и необычность добывавших там тогда рыбу суровых поморов; мне и теперь кажется, что я вижу Мурман – так называлось тогда Мурманское побережье Баренцева моря.

---

¹ Цифры в скобках здесь и далее обозначают номер в списке опубликованных работ А. А. Любищева, помещенном в конце сборника.

В те годы в числе близких друзей отца было два замечательных человека: Константин Николаевич Давыдов и Виталий Александрович Исаев. К. Н. Давыдов в двадцатых годах уехал во Францию, но до самой смерти своей в 1960 году он переписывался с отцом. Об этом рассказано в «Воспоминаниях о К. Н. Давыдове» (1964). В. А. Исаев был убит на Кавказе в 1926 году в самом расцвете жизни.

Вскоре после окончания университета отец женился на моей матери, Валентине Николаевне Дроздовой. Она была дочерью священника, митрофорного протоиерея, настоятеля Пантелеймоновской церкви и профессора Духовной Академии в Петербурге. Мать моя окончила Высшие Женские Архитектурные курсы Багаевой при Академии Художеств, это был первый в мире выпуск женщин-зодчих, о чем даже выпренне писали заграничные журналы. Право на инженерную деятельность они имели почти наравне с мужчинами: почти – потому, что какие-то ограничения все же были, и именно по этому поводу некоторые активистки курсов ходили скандалить в Государственную Думу. Мама сразу после окончания поступила на службу в студию архитектора Шмидта. Она свободно владела французским и немецким языками, прекрасно рисовала и вполне владела, кажется, своим ремеслом. Отец познакомился с нею в поезде Петербург-Териоки; случайное знакомство сыграло очень важную роль в жизни и чувствах отца. В матери он увидел особу нового типа, свободную женщину, достойную почитания. По рассказам отца, когда они, катаясь на лодке, попали в сильную бурю, мама моя «не визжала и не падала в обморок»... Вероятно, роман моих родителей объясняется гораздо проще и естественнее: отец был совершенно неискушенным в амурных делах скромным молодым человеком, а мама – красива и молода. До этого он избегал общества вообще и, в частности, того, которое собиралось у них в доме, в том числе и девушек своего возраста. Все они виделись ему совершенно чужими, он не находил с ними никаких общих интересов, все в них казалось ему суетным и узким. Он был, как я уже упоминала, очень скромный и не стремился «обличать нравы», но несомненно, судя по его рассказам, у него было чувство пренебрежения к «буржуазному обществу». В ранней юности на него сильное впечатление произвел Писарев, особенно его «Крушение эстетики». Идеи нигилизма, стремление к упрощению жизни и привычек под эгидой высоких целей, установление социального равенства – были лейтмотивом психологии отца в его юности и молодости. Кроме того, он считал себя некрасивым и неинтересным, полагая, что ничем не сможет заинтересовать женщину. Впрочем, эти мысли не тяготили его, и он не видел в этом трагедии – он пришел к такому выводу и остался спокоен. И действительно, внешне он, как мне рассказывали другие, выглядел «непрезентабельно»: большой, сильный, небрежный в манерах, в потрепанной университетской тужурке, в университет ходил пешком, никогда не пользуясь отцовскими выездами, и выглядел обычным, даже нуждающимся студентом; многие, оказывается, таким его и считали.

После свадьбы родители уехали за границу, совершили большое путешествие по Греции, Италии и Египту, т. е. были там, куда ездят смотреть чудеса зодчества, ваяния и живописи. По возвращении они стали жить отдельно от своих родителей, в большой квартире в бельэтаже дома на Греческом проспекте, там, где потом родилась я, мои братья, мои дети... У родителей было много комнат и много прислуги... Отец стал с покорностью хорошо одеваться, ездить в оперу, в гости, «с визитами». Увы, бедному моему отцу брак этот не принес счастья, иллюзии быстро рухнули под тяжеловесностью «правил хорошего тона» во всем, при полном отсутствии интереса к живой жизни, к продвижению на пути познания. Фактор образованности есть просто осведомленность и умение разного толка, но никак не культура в ее высоком возвышающем смысле.

Очень скоро родились дети – самая старшая я, потом два сына, Всеволод и Святослав.

Война 1914–1918 годов была воспринята отцом как бедствие, порожденное «империализмом великих держав». Я знаю это из его ответов на мои вопросы, когда он вводил нас, детей, в русло политических рассуждений о событиях мировой истории. Он к тому времени

(перед войной) уже читал Маркса (конечно, в подлиннике) и вполне разделял его взгляды по политико-экономическим вопросам, и в этом духе излагал нам строение общества. Все это было, конечно, только мировоззрением, идеологией, а настоящим делом своим он считал единственно науку. До революции отец занимался естественными науками и математикой в рабочих кружках Выборгской стороны Петербурга, но, как сам признавался, его плохо понимали. Настроения же его были чрезвычайно «крайними»; известно, что дед мой уговаривал его уехать за границу и там в тиши работать, чтобы за него не волноваться; видимо, у родителей отца были серьезные опасения на его счет.

Февральская революция была восторженно встречена всеми, кого я знаю из близких нашей семьи.

Сколько смогу, расскажу об эволюции научных взглядов отца в те годы, пользуясь его собственными воспоминаниями на эту тему.

Первые мысли о возможности математизации морфологии возникли у отца на основании самостоятельного чтения, в частности сочинений Скиапарелли «О сравнительном изучении естественной органической и чистой геометрической формы». Отец упоминает о разговоре с В. Н. Беклемишевым на Мурманской биостанции в 1912 году о гармонических очертаниях придатков тела морских кольчатых червей; уже тогда у него возникла мысль о возможности дать этим придаткам (параподиям) математическое описание. В своем дневнике он писал: «Я задаюсь целью написать со временем математическую биологию, в которой были бы соединены все попытки приложения математики к биологии...».

В студенческие годы отец был «ортодоксальным дарвинистом», как и большинство преподавателей университета. В 1906–1910 годах он был поглощен лабораторными исследованиями и относился к «философствованиям», по выражению К. Н. Давыдова, «с нескрываемым омерзением». В философии он считал себя «сознательным варваром», полным ее отрицателем. И именно в таком настроении он услышал в 1911 году в Биологическом обществе при Академии наук (Петербургский филиал Международного Биологического Общества) доклад Александра Гавриловича Гурвича «О механизме наследования форм», в котором была развита идея, впоследствии получившая название морфогенетического поля. В своих воспоминаниях об А. Г. Гурвиче (1957) отец пишет, что доклад произвел на него «ошеломляющее впечатление... математическим подходом, смелостью идей, исключительной новизной и убедительностью».

После встречи с Гурвичем у отца изменился масштаб оценки человека. Как он сам пишет: «Огромное большинство знакомых мне ученых много потеряло в моих глазах. И это несмотря на то, что нас с А. Г. вряд ли можно было назвать единомышленниками. Почти по всем вопросам как науки, так и общего мировоззрения, у нас были длительные споры, и мы редко договаривались до согласия...»

Я с детства хорошо помню А. Г. Гурвича. Он был на 16 лет старше отца. Его образ, дополненный рассказами разных лиц, остается живым до сих пор; особенно запечатлелось в памяти то, что отец всегда называл его «своим дорогим другом и учителем».

1 января 1914 года отец поступил ассистентом на кафедру профессора С. И. Метальникова на Высших женских Бестужевских курсах в Петербурге, а с осени 1915 на тех же курсах стал ассистентом профессора А. Г. Гурвича, что еще более способствовало сближению отца с А. Г. Но военная служба (отец был призван «ратником ополчения» как «оставленный при университете») в Химическом комитете при Главном артиллерийском управлении (под началом крупного ученого, химика, генерала Ипатьева) прервала начатую работу.

II. Симферополь – Пермь

Научная работа отца возобновилась в 1918 году в Таврическом университете в Симферополе, куда съехались многие знаменитые ученые России. Отец мой поехал туда с помощью Якова Ильича Френкеля, своего друга. Туда же был приглашен и А. Г. Гурвич, и отец стал ассистентом на его кафедре. Всей семьей (с няней и горничной) мы поехали в Крым.

Смутно помню темные вагоны, страх при пробуждении по ночам, обыски в поездах, солдаты с винтовками, везде вооруженные люди, стук прикладов об пол. Помню, что было страшно. И помню отца своего веселым и спокойным... Ему тогда было 28 лет.

О том, как работал Таврический университет, написано много. Состав этого университета стал таким блестящим, каким мог бы гордиться любой университет мира. Среди них были Н. М. Крылов (математик), В. И. Смирнов, О. В. Струве, А. А. Байков, Н. И. Андрусов, В. А. Обручев, В. И. Вернадский, В. И. Палладин, Л. И. Кузнецов, Г. Ф. Морозов, С. И. Метальников, Э. А. Мейер, П. П. Сушкин, Б. Д. Греков, Я. И. Френкель, И. Е. Тамм и многие другие.

В Крым отец приехал уже как биолог с философским уклоном. Еще в 1917-м он написал свою первую натурфилософскую статью «Механизм и витализм как рабочие гипотезы». В университете в Крыму он сделал ряд сообщений по общим вопросам биологии; среди них важнейшим для его научной характеристики был доклад «О возможности построения естественной системы организмов».

Мы прожили в Крыму три года. Время было очень трудное. Жалованья отца для семьи в пять человек (и еще няня) не хватало. Отец искал дополнительный заработок, помню, как они с Я. И. Френкелем работали грузчиками на виноградниках, на пилораме. Мать поступила в какое-то советское учреждение секретарем. И все же еды было мало, я хорошо помню, что мы часто испытывали голод. Помню «изъятие излишков у буржуазии»: обыск, солдат у дверей, женщину в кожаной куртке, которая рылась в чемоданах и кофрах, отца, совершенно спокойно и охотно выдвигавшего ящики и отдававшего все, что у него хотели «изъять». Нам с няней было очень страшно. И странное дело – я помню, что отец казался нам довольным всем происходящим. Нередко у него вырывалась фраза: «чем меньше вещей, тем больше свободы у человека». И уже тогда мы знали, что горевать из-за потери вещей – очень скверно, стыдно и даже низко.

Во время революции наш дед был в Англии. Он вернулся на родину, в Ялту, как раз к тому времени, когда ее заняла Красная Армия и воцарилась ЧК... Всех пассажиров парохода забрали, отправили в кутузку, а оттуда вскорости рассортировали: «направо», «налево»... Все зависело от случайности... А он, такой «гусь» с заграничным паспортом, с чемоданом с наклейками, получил приказ «направо». Т. е. в жизнь, пока. И что же? Пришла телеграмма из Петрограда, от Совнаркома – его вызвали для работы по экспорту леса, по налаживанию деловых связей с Западом. Его взяли на работу как знатока дела, которым он занимался всю жизнь. Более того, был приказ «всем начальникам портов и железнодорожных станций оказывать ему всяческое содействие в продвижении в Петроград»... В Петрограде дед поселился в своей большой квартире, хоть и пережившей ряд реквизиций, но по-прежнему полной разного имущества. Дед много раз бывал в заграничных командировках, где участвовал в налаживании торговых и промышленных связей СССР с другими странами. Так он проработал до 1931 г., когда начались новые «акции» в стране.

Мы уехали из Симферополя в 1921-м; ехали очень долго, в теплушках, полных людей и вещей. До Петрограда добирались, кажется, целый месяц. Причиной отъезда из Крыма было приглашение отца в Пермский университет, он был избран там доцентом. Возможно, что большую роль в переезде сыграла предстоящая возможность общения отца с его старым другом,

В. Н. Беклемишевым, находившимся там же. А. Г. Гурвич сильно удерживал отца, но потом согласился, понимая, что ему пора выходить на самостоятельную работу.

Пермский университет был создан в 1916 году как отделение Петроградского стараниями местного богатого промышленника, Н. В. Мешкова. Он передал университету комплекс новых домов на окраине города – Заимке². Там помещались физические, химические и биологические лаборатории, а также квартиры профессоров и преподавателей. Гуманитарные факультеты и медицинский, библиотека и Правление университета находились в самом городе. С 1918 г. Пермский университет стал самостоятельным.

Отец переехал в Пермь в 1921 году, а мы все переселились туда в 1923-м. Два года отец прожил в Перми без семьи, приезжая время от времени к нам в Петроград. Почти сразу же по приезде в Пермь он заболел сыпным тифом. Болезнь вспыхнула внезапно, во время экскурсии в Кунгурскую ледяную пещеру. Его оттуда буквально на своих плечах вынес его друг, доктор Владимир Григорьевич Вайнштейн, бывший тогда ассистентом профессора Ансера в университете. Именно болезнь отца ускорила переезд всей семьи в Пермь.

На Заимке, в большой и благоустроенной квартире, мы прожили четыре года. В конце этого периода мне исполнилось 12 лет, и я хорошо помню многое из нашей жизни в Перми. Работа в этом городе оставила у отца самые светлые воспоминания. Среди сотрудников университета были его близкие друзья: заведующий кафедрой зоологии Д. М. Федотов, профессор В. Н. Беклемишев, П. Г. Светлов, А. О. Таусон, а также А. А. Заварзин, А. Г. Генкель, В. К. Шмидт, Д. А. Сабинин, Ф. М. Лазарев, Ю. А. Орлов, А. М. Сырцов, А. П. Дьяконов, Б. Ф. Вериго, – почти все они уже ушли в вечность.

Отец занимал должность доцента кафедры зоологии. Объем его преподавательской деятельности был весьма обширен, он вел разные курсы, основным из которых была общая биология. Читал он введение в эволюционную теорию, биометрию, генетику, зоопсихологию, специальный курс эволюционной теории для студентов четвертого курса. Кроме того, были курсы зоологии позвоночных, зоогеографии, истории биологии и, наконец, в последние годы пребывания в Перми – учение о сельскохозяйственных вредителях.

Этот последний курс, а также проводимые отцом практические занятия, побудили его вернуться к энтомологии и заинтересоваться прикладными проблемами. Продумывание лекций по генетике привело отца к «совершенно иному пониманию природы наследственных факторов» по сравнению с обычным; оно изложено в его работе «О природе наследственных факторов» (1925) (10). Отец считал эту свою работу наиболее крупной из всех теоретических работ.

В тесной связи с педагогической работой находилась и научная работа отца. В Перми он закончил три небольших труда по кольчатым червям (6, 7, 8) и начал печатать свои первые труды по биометрии и общей биологии, подготовленные еще в Крыму. Три из них – «О критерии изменчивости организмов», «О форме естественной системы организмов» и «О природе наследственных факторов», были доложены на 1-м Всесоюзном Съезде зоологов, анатомов и гистологов в Петрограде в 1922 году. Последняя работа вызвала острую дискуссию; против нее выступали Ю. А. Филипченко и особенно Н. К. Кольцов, которые защищали общепринятые тогда взгляды. Кольцов даже выразился так: «Я Вас не понимаю и не желаю понимать!» Отец об этом часто вспоминал – его потрясло тогда «нежелание понимать» в устах ученого. Л. С. Берг заметил тогда отцу: «Запишите эти слова! Придет время, когда их можно будет вспомнить, как пример непонимания нового».

Тогда же в «Известиях Пермского университета» была опубликована статья «Понятие эволюции и кризис эволюционизма» (9).

---

² «Заимками» в Сибири и на Урале зовут места, занятые под пашню, расчистку леса и пр. В Перми – Заимкой называются кварталы на окраине города, прилегающие к железнодорожной станции Пермь-2.

Отец был действительным членом Биологического научно-исследовательского института при Пермском университете, а один год исполнял обязанности заведующего Биостанцией в Нижней Курье на Каме. В воспоминаниях отца Биологическому институту и его первому директору, профессору Алексею Алексеевичу Заварзину, отведено особое место.

Главными деятелями института были профессора и преподаватели Пермского университета, уже упомянутые мной. Деятельность института «во многих отношениях была своеобразна и замечательна» писал отец в «Воспоминаниях о Пермском университете» (1955). Особенностью того времени был опыт перехода к новым формам организации всех отраслей хозяйства и науки, и этим во многом определялась работа в университете. Вопросы публикации трудов, обмен с иностранными учеными, оплата сотрудников университета – все требовало большого труда, энергии и часто дипломатии. Надо было в центре утверждать фонды расходов на развитие института, уметь доказывать, убеждать... Между университетами, Пермским и Свердловским, шла конкуренция, не исключена была опасность закрытия университета в Перми. Повидимому, лишь после приезда комиссии во главе с А. В. Луначарским и ознакомления его самого с деятельностью университета и Биологического института эта опасность исчезла.

Биологический институт сумел заинтересовать своей работой научные центры всех частей света: Линнеевское общество в Лондоне, Биологическую станцию на Гельголанде, Зоологическую станцию в Неаполе, академии Наук Швеции, Пруссии, Баварии, Австрии, Голландии, Королевское общество в Эдинбурге, научные общества в Мексике, Аргентине, Бразилии, Уругвае, Колумбии, Чили, Японии, Иране, Индии, Египте, Алжире и в Южно-Африканском Союзе, в Австралии и Новой Зеландии.

Во многих семьях работников университета в те времена дети – в том числе и мои братья – собирали коллекции почтовых марок. Мне кажется, что братья были только номинальными коллекционерами, а отец сам увлекся этим делом и страшно ликовал, принося домой марки экзотического вида и необыкновенной редкости. Когда стал подрастать мой младший сын (это было уже в конце пятидесятых годов), мой отец стал и его поощрять в коллекционировании марок и не раз присылал ему пакетики иностранных марок (заграничная корреспонденция отца всегда было обширна, расширяясь или сужаясь в зависимости от обстоятельств).

Уехавшего из Перми Заварзина сменил на посту директора Б. Ф. Вериги, а после его смерти – В. К. Шмидт. Хозяйственная деятельность, особенно финансовая – в силу неопределенности доходов – была очень трудной. Однако атмосфера товарищества и взаимного доверия определяла успех начинаний. В воспоминаниях отца университетскому товариществу посвящены целые страницы. Основная мысль сводится к тому, что «университетский дух» возникает именно в провинциальных университетах в силу малочисленности сотрудников, особенностей замкнутой среды. В этом отношении отец, сравнивая Петербургский (Петроградский) университет с университетами Таврическим и Пермским, безоговорочно отдавал предпочтение последним.

По впечатлениям моего детства, такой интересной товарищеской среды, такого тесного интеллектуального общения между людьми разных характеров, возрастов, специальностей, как в Перми, мне больше не доводилось встречать. Самые яркие мысли, самая горячая полемика с изысканной аргументацией просвещенных умов – все это было «климатом» (как теперь говорят...) нашего детского вхождения в жизнь. Мы, дети, были, конечно, изолированы в своих комнатах, но многие из папиных коллег любили поговорить с нами, осторожно и неназойливо просвещая и обучая. Разумеется, нам всегда было интересно послушать, что говорят «большие» и как они говорят. А говорить там умели... часто, то что говорилось, было для детей совершенно непонятно, но, тем не менее, казалось чрезвычайно увлекательным.

Все работавшие в Пермском университете разделялись на две части (два «общества»): одну из них составляли жившие на Заимке, другие – в городе. Заимковцы отличались большей сплоченностью, которая сохранилась и потом, на всю жизнь, даже после того, как все разъеха-

лись. Судьбы у всех оказались разными; однако ни жизнь в разных городах, ни работа в разных областях, ни разные уровни карьеры и успеха не помешали заимковцам помнить друг о друге и интересоваться друг другом. (Не так давно большой друг нашей семьи, профессор хирург В. Г. Вайнштейн сказал мне, что он до сих пор «остается заимковским всеобщим доктором».)

Многие из тех, кто жил и работал в Перми в двадцатых годах, заслуживают большего внимания как личности, не говоря уж об их научной ценности. Общество, которое собиралось в разных домах, было ярким и разнообразным. Бурные споры, часто вспыхивающие за столом, были, в сущности, образцом «состязающихся умов». Споров было очень много. Полемика шла горячо и неистово, аргументы же приводились на самом высоком уровне во всех областях культуры и развития мысли.

Жизнь на рубеже новой эпохи была очень сложна. Того, что называют «обеспеченностью», в нашем обществе не было. Правда, все жили в хороших и больших квартирах, у всех почти были домработницы, дети (некоторые сверх школьных занятий) частным образом учились общеобразовательным предметам, особенно иностранным языкам, но у всех было мало денег, заработки были весьма скромные. Одежда у большинства оставалась с дореволюционных времен; крупных приобретений никто не делал, не мог делать и никакого интереса к этому не проявлялось.

Самой близкой семьей для отца и всех нас стала тогда и на всю жизнь семья В. Н. Беклемишева. Отца моего и Владимира Николаевича дружба и сходство взглядов связывали со студенческих времен; эта дружба прошла через всю их жизнь, близость духовная и научная выдержала испытание временем и укреплялась все больше. Для меня же семья Беклемишевых стала второй семьей.

Одной из замечательных фигур в воспоминаниях отца о Перми был Анатолий Иванович Сырцов, профессор философии. Отец подружился с ним на домашних собраниях, посещал его семинары по философии и называл его «умнейшим и образованнейшим человеком». Один из семинаров был по теории причинности, другой – по философии Гегеля. На первом из них отцом был сделан доклад «Об эволюции понимания причинности в древней и новой философии». Этот доклад показал, что к тому времени отец получил уже серьезную подготовку в области гносеологии, что было отмечено А. И. Сырцовым в разборе этого доклада. Именно на семинарах Сырцова отец понял, что руководству семинарами «мы, естественники, должны учиться у таких высококвалифицированных представителей философии», и с успехом использовал этот опыт в своей дальнейшей работе.

Любопытна политическая установка и отношение к советскому строю А. И. Сырцова, выяснившиеся в личных разговорах этого большого человека с отцом. Сырцов говорил, что «сейчас было бы подлинным преступлением говорить о возможности возвращения к старому строю. Сейчас надо в рамках советского строя – в основном, прогрессивного, стремиться к развитию нашей страны и бороться за устранение недостатков». Это полностью соответствовало взглядам и настроениям отца.

За время работы в Перми отец участвовал во Всесоюзных зоологических съездах. О I-м Съезде зоологов речь уже шла выше; на III-м Съезде в 1927 году в Ленинграде отец делал доклад о номогенезе (12) и несколько раз выступал в прениях по общим вопросам биологии.

В 1927 году, вследствие переутомления интенсивной умственной деятельностью, у отца открылось острое нервное расстройство, и он в возрасте 36 лет ощутил потерю работоспособности. Благодаря доброму отношению к нему со стороны администрации и товарищей, ему удалось подлечиться (он ездил в санаторий в Севастополе) и восстановить свои силы. Невозможность работать так много, как он стремился, как предписывала ему его железная система, его план, им самим себе составленный и строжайшим образом проводимый в «оправдание существования» – все это отцом переживалось чрезвычайно болезненно.

В 1926 году правление университета выдвинуло кандидатуру отца в профессора. Но уже в опубликованных работах (встретивших большую поддержку Н. И. Вавилова и Л. С. Берга) «О форме естественной системы организмов», «О понятии эволюции и кризис эволюционизма» и особенно в книге «О природе наследственных факторов», отец выступил с позиции, которую многие тогдашние биологи воспринимали как чересчур диалектичную. К тому времени эта его позиция полностью сформировалась, пройдя сложный путь от ортодоксального дарвинизма и механицизма к признанию номогенеза (с некоторыми оговорками) и ирредукционизма. Все это в те времена считалось недопустимой ересью. Друзья предупреждали отца, что опубликование этих работ сможет послужить препятствием к получению профессуры.

Так и случилось: хотя ректор Пермского университета поддерживал представление его к званию профессора, а декан биофака лично ходатайствовал за отца в Государственном Ученом совете (ГУС), на представление его к званию профессора был получен отказ. Однако в ответ на одновременно поданное отцом заявление на участие в конкурсе на замещение должности заведующего кафедрой зоологии в Сельскохозяйственном институте в Самаре в конце 1926 года он был назначен на эту должность и утвержден в звании профессора этого института.

Отец пишет в своих воспоминаниях по поводу отказа ГУС в утверждении его в звании профессора следующее: «Хотя опубликование моих работ и послужило препятствием для утверждения меня в звании профессора, я нисколько не раскаиваюсь в напечатании этих работ, так как я глубоко убежден, что эти статьи представляют наибольшую научную ценность из всего, мной написанного, и остаток моей жизни (воспоминания писались в 1955 году) я намерен посвятить дальнейшей разработке намеченных там идей».

Заканчивая описания пермского периода нашей жизни, хочу прибавить, что для становления личностей многих начинающих ученых атмосфера Пермского университета сыграла огромную роль, предопределив поведение в ситуациях, в которых требовался достаточно высокий этический уровень.

А для нас, детей, дух общества на Заимке стал «открытием мира» с его многообразием мыслей, чувств и норм поведения, интеллектуальной школой жизни.

III. Самара (Куйбышев)

В Самаре мы прожили три года (1927–1930). У нас была прекрасная большая квартира в особняке над Волгой, в центре города, с каменной террасой, откуда открывался вид на волжские просторы и Жигули. Отец приехал туда в начале 1927 года, а мы всей семьей присоединились к нему в июле.

Самарский сельскохозяйственный институт помещался в здании бывшей духовной семинарии. Лекции и занятия по зоологии шли в семинарской церкви, алтарь и ризница которой были приспособлены под энтомологический кабинет, а для себя отец устроил уголок на хорах. Для него это помещение было удобно: «во-первых, там не было случайных посетителей, во-вторых, я всегда слышал ведение занятий моими ассистентами и мог поэтому их корректировать...»

Надо сказать, что отец мог распределять свое внимание (почти в равной мере) на два или три дела, которые выполнял одновременно, и совершенно отключался от всего того, что его не касалось и не интересовало. Сколько я помню, дома почти никто из присутствующих в квартире не мог ему помешать, если только дети к нему непосредственно не обращались или не ссорились между собой – последнее обстоятельство его всегда очень огорчало и расстраивало.

Письменный стол отца помещался на самом краю хоров, там же стояла и непрерывно стучала его пишущая машинка, а часть хоров была использована им под лабораторию. Оборудование последней было самым примитивным, но отец вполне «устроился» в таких условиях и написал свою основную работу по прикладной энтомологии, за которую (вместе с другими) ему в 1936 году присудили ученую степень доктора сельскохозяйственных наук. Это было исследование, посвященное оценке вредности хлебного пилильщика и узловой толстоножки. С обстоятельным английским резюме эта работа была послана в числе прочих немецкому профессору Рэ (Reh), возглавлявшему издание большого руководства по вредителям и болезням растений. Рэ написал потом, что, к сожалению, в Германии в настоящее время такие работы производиться не могут в силу недостаточной технической оснащённости... А отец проделал эту работу при полном отсутствии такой оснащённости, как, впрочем, и всякой помощи вообще. Отец полагал, что профессор Рэ, как и большая часть тогдашних энтомологов-прикладников, не был знаком с математической статистикой. Поэтому-то таблицы, составленные отцом, показались ему делом чрезвычайной трудности.

Однажды кинооператоры хотели произвести съемку лаборатории сельскохозяйственного института. Придя на хоры в отсутствие отца, они заявили: «Здесь, конечно, заниматься научной работой невозможно!». Нетребовательность отца к «условиям работы» в общепринятых представлениях о комфорте была очень для него характерной. В своих многочисленных экспедициях и в одиноких странствиях для сбора насекомых он часто пользовался любыми случайными видами транспорта и не имел никаких претензий к организации своего отдыха и ночлега.

Работа по хлебному пилильщику и изосоме была первой прикладной работой отца, в которой он, по его собственному мнению, получил отчетливые результаты. Он пишет об этом: «Первые мои попытки в Перми по клеверному семееду дальше попыток не пошли, но дали мне некоторое понимание сложности экономических проблем в энтомологии...»

В Самаре отцу удалось «справиться с довольно трудной проблемой» в этой области, он стал чувствовать себя достаточно прочно и после этого много лет весьма успешно проводил одно за другим разные исследования по прикладной энтомологии, совмещая преподавание в Институте с прикладными работами и исследованиями по систематике земляных блошек. Именно в Самаре он сумел основательно разработать род Хальтика (Halticinae) и наметить план на будущее.

Занимался он и общими вопросами. Пребывание в Самаре сильно расширило его кругозор в области агрономии. В то время шел спор между сторонниками и противниками Вильямса. Отец поддерживал тесную связь со специалистами, участвовал в дискуссиях и составил себе ясное представление о сущности споров по сельскохозяйственным вопросам.

В конце воспоминаний о жизни в Самаре отец писал: «занятия прикладной энтомологией мне были не бесполезны и для моих чисто научных занятий. При работе с пилильщиком и изосомой я довольно хорошо практически овладел приемами математической статистики, а это уже привело впоследствии к углубленному знакомству с теми методами, который я сейчас намерен применять в области систематики насекомых. Если я успею выполнить свои главные планы, то придется сказать, что мое отвлечение в область прикладной энтомологии не было ошибкой, а ответ на это можно будет дать только на смертном одре».

В 1930 году отец приехал в Ленинград, где в это время был организован Всесоюзный институт защиты растений (ВИЗР). В этом же году произошла реорганизация Самарского сельскохозяйственного института, который разделился на два: в Самаре и Кинели оставили агрономические факультеты, а зоотехнический и ветеринарный перевели в Оренбург. По планам того времени кафедры зоологии в агрономическом институте не было. В ВИЗР отца настойчиво звали его старый друг с университетских времен, И. Н. Филиппьев, а также Н. Н. Троицкий. Да и родители отца очень просили его вернуться в Ленинград.

Главной причиной переезда для отца (помимо, конечно, формального повода – реорганизации института) была надежда на то, что освобождение от преподавательской деятельности увеличит время на работу как по прикладной энтомологии, так и по общим проблемам. Именно в этом он и ошибся: научной работой в Ленинграде ему пришлось заниматься очень мало.

Незадолго до переселения в Ленинград (в начале мая 1930 года) отец был на IV Съезде зоологов в Киеве. Там читались доклады по общебиологическим вопросам, в том числе (по предложению И. И. Шмальгаузена) доклад отца «О логических основаниях современных направлений в биологии». Прения по докладу были очень оживленными. Многие участники съезда защищали в то время чистый морганизм. Такими были М. Левин, С. Г. Левит, Б. М. и М. М. Завадовские, А. С. Серебровский, И. И. Презент, И. М. Поляков, Е. А. Финкельштейн, М. М. Местергази. Все они охарактеризованы отцом в воспоминаниях. Среди них были высококультурные люди, умелые полемисты и терпимые к идейным противникам. Некоторые знали отца и раньше, в частности, Местергази был знаком с ним с 1909 года, еще в Неаполе. После революции он работал в издательстве «Советская наука» и много способствовал выходу в свет получившей широкую известность книги В. Н. Беклемишева «Основы сравнительной анатомии беспозвоночных». Против этой группы выступало значительное число зоологов, «не объединенных какой-либо общей идеей». Особенно ярко это выразил палеонтолог Д. Н. Соболев, который, имея в виду постоянные ссылки перечисленной группы на «классиков марксизма», заявил в актовом зале университета: «Я вот слышу, что нас приглашают считать те или иные мнения непогрешимыми, а я со своих семинарских лет привык считать непогрешимость монополией Римского папы».

Ю. А. Филиппченко произнес в защиту свободы науки блестящую речь, вызвавшую наибольшее количество аплодисментов. Далее отец пишет: «Борьба за свободу науки сблизила меня и с Н. К. Кольцовым, с которым у меня произошел резкий конфликт на I-м Съезде... Кольцов подошел ко мне на IV-м Съезде, и мы поговорили с ним о некоторых вопросах, связанных с моим докладом. Мой доклад носил общий характер и был дальнейшим развитием доклада на III-м Съезде „Понятие номогенеза“. Номогенез, конечно, не является отрицанием морганизма, но ограничивает его, и поэтому на IV-м Съезде тогдашние защитники морганизма были в числе моих противников».

IV. Ленинград

Ленинградский период деятельности отца (1930–1938) следует, вероятно, считать самым бурным и самым трагическим по многим причинам. Переезд совпал с реорганизацией Института прикладной ботаники, возглавляемого Н. И. Вавиловым, во Всесоюзную Академию сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ). Один из отделов был преобразован во Всесоюзный институт защиты растений (ВИЗР). Первым его директором был Н. В. Ковалев, а заведующим отделом энтомологии – И. Н. Филиппьев. Для института был отведен Елагин дворец; там институт находился пять лет, до создания на Елагином острове Парка культуры и отдыха. Отец, как и другие научные работники института, поселился вместе с семьей в бывшем фрейлинском доме.

Этим он очень огорчил своих родителей, которые настоятельно просили его жить вместе с ними, в их большой и удобной квартире, но он не захотел.

О первом директоре института, Н. В. Ковалеве, все, работавшие с ним, сохранили самое теплое воспоминание. Но он недолго оставался директором ВИЗРа: в середине 1931 года он стал заместителем Н. И. Вавилова во Всесоюзном институте растениеводства (ВИР). В воспоминаниях отца подробно описаны обстоятельства последнего периода научной деятельности Н. И. Вавилова. На всем этом я останавливаться не буду, но думаю, что записки отца, относящиеся к тому времени, могут послужить материалом для историка наших дней.

Новым директором был назначен М. М. Бек, по словам отца, «очень энергичный человек, но имевший, судя по всему, чисто гуманитарное и политическое образование. Был он, по видимому, очень честный человек».

И далее отец пишет: «Бек сначала отнесся скептически к моей статье об учете потерь, но не препятствовал ее публикации. Ему же я обязан появлением в сборнике ВИЗРа двух моих работ: „Подсчитывается ли армия вредителей?“ (17) и „Эффективность мероприятий и учет потерь“. Мои статьи Бек читал внимательно, не сразу с ними соглашался, но постепенно мне удалось его полностью убедить... Наиболее острой моей статьей, направленной против ОБВ (Общество по борьбе с вредителями), была статья „Эффективность мероприятий и учет потерь“. Она была опубликована в 1933 году (21) и представляла собой автореферат моего доклада на Съезде ОБВ, во главе которого стоял Зеленухин. Последний очень подозрительно ко мне относился из-за моей первой статьи об учете потерь. Возможно, он вполне искренне меня подозревал в прямом вредительстве и даже хотел привлечь меня к ответственности... Моя работа имела довольно большой эффект и была впоследствии использована комиссией по ревизии деятельности ОБВ. Как известно, дело кончилось ликвидацией ОБВ. Мне говорили, что эту статью внимательно читал С. М. Киров».

Плановой работой отца было определение экономического значения вредителей – злаковых мух, т. е. продолжение работы, начатой им в Самаре. Применяя методы математической статистики, отец рьяно взялся за дело и «постарался выяснить истинное значение ряда вредных насекомых, не считаясь с общепринятыми представлениями о степени их вредности».

В результате работы отец пришел к выводу, что экономическое значение вредителей, как правило, значительно преувеличивается. На основании многочисленных поездок по сельскохозяйственным районам страны и математической обработки полевых материалов, отец показал, что сильное, или хотя бы заметное повреждение зерновых злаков насекомыми представляется скорее исключением, чем правилом (24, 25, 26, 27).

За время работы в ВИЗРе отец часто ездил на опытные станции для проверки их работы и консультаций: за 1935 год он объездил Белоруссию, Крым, Нижнее Поволжье, Закавказье и Узбекистан, чем приобрел близкое знакомство с опытными и производственными учреждениями.

В последние годы работы в ВИЗРе отец по предложению Н. Н. Богданова-Катькова читал курс лекций по экономике сельскохозяйственных вредителей в Сельскохозяйственном институте и в Ленинградском институте по борьбе с вредителями. Первые лекции показались студентам слишком трудными, так как были построены на использовании математической статистики. Однако – отчасти после вмешательства Богданова-Катькова, отчасти потому, что студенты постепенно вникли в теорию – отец расстался с ними в наилучших отношениях.

Ленинградскому периоду работы отца посвящен большой раздел его воспоминаний, где рассказывается о возникавших тогда проблемах, о дискуссиях по ним, о критических ситуациях и духе времени; там описаны поездки в разные области страны, сопряженные с этими обстоятельствами, встречи и наблюдения над жизнью народа в разных аспектах: голод в 1933 году, состояние и организация сельского хозяйства, общие вопросы управления и многое другое. Следует сказать, что именно с коллективизации началось и укрепилось его полное отчуждение от режима, полное его неприятие.

К тридцатым годам относится также и знакомство с американским ученым Честером Блиссом, приглашенным в СССР в качестве специалиста и проработавшим в ВИЗРе около трех лет. Отец, владевший английским языком, должен был встречать его в аэропорту. С того самого дня возникла и развивалась их дружба, сохранившаяся до смерти моего отца. Блисс не сумел выучиться русскому языку, хотя был искренне расположен к нашей стране и ее народу. Они с отцом оказались очень близки по научным интересам и направлениям исследований.

К тому же времени относится и активное участие отца в дискуссиях с известными американскими генетиками – Меллером и Бриджесом, долгое время жившими в СССР по приглашению нашей Академии наук. Выступая в этих дискуссиях, отец развивал свои представления о соотношениях между генами и признаками (высказанные и ранее в работах 1925 года (10)), сильно расходившиеся с тогдашним мнениями упомянутых американских генетиков по этим вопросам.

После того, как директором ВИЗРа стал И. А. Зеленухин (бывший директор ОБВ), в положении отца наступил самый острый период. Уже с 1936 года он начал думать об уходе из ВИЗРа. Причиной тому стало недовольство плохим планированием научной работы, частой сменой тематики, не позволявшей как следует углубиться в решение научных и производственных вопросов. Особенно чувствителен отец был к сопротивлению, оказываемому дирекцией ВИЗРа внедрению математических методов в научные исследования института. На организованном Зеленухиным в 1937 году заседании Ученого совета ВИЗР при обсуждении научных работ отца было выдвинуто против него обвинение в намеренном преуменьшении им экономического значения вредителей. Это было очень серьезное обвинение – по всей стране шли политические кампании по борьбе с «вредительством» в сельском хозяйстве и в промышленности... Ученый совет единогласно (!) решил возбудить ходатайство перед ВАК о лишении отца докторской степени, а дирекция уволила его «за невыполнение плана работ». Но еще до этого заседания И. И. Шмальгаузен пригласил отца на должность заведующего Отделом экологии Института зоологии Украинской Академии наук, безработица ему не угрожала, и все же, как написано им в дневнике того времени, чувствовал он себя тогда «как бы в положении загнанного зверя...» А вскоре и сам Зеленухин был арестован...

Надо сказать, что ВАК отклонил ходатайство Ученого совета ВИЗРа, подтвердив прежнее решение о присуждении ему докторской степени. Многие из знавших моего отца считают, что именно тогда наиболее ярко проявились его особенности ученого и человека – стойкость в убеждениях, сила воли и антипатия к удобным компромиссам. Позиция отца в оценке значения вредителей злаковых растений была подтверждена в послевоенных работах крупных специалистов-биологов.

У. Киев – Пржевальск – Фрунзе

Драматичность положения отца в то время усугубилась внезапной болезнью старшего сына, Всеволода, у которого в 1936 году открылся острый туберкулез с кавернами в обоих легких. Ему было тогда 19 лет. С деньгами было очень туго, на лечение потребовались большие средства (дед, который до 1931 года много помогал нашей семье, к этому времени уже не работал). На помощь отцу пришли друзья, и этого он не мог забыть никогда: А. Г. Гурвич, Я. И. Френкель, В. Н. Беклемишев и другие одолжили отцу на неопределенный срок крупные суммы, ему удалось отправить сына на длительное лечение на курорт; кроме того, врачи настаивали на перемене для него климата вообще. Поэтому приглашение занять руководящую научную должность на Украине оказалось чрезвычайно кстати. В 1938 году отец переехал в Киев вместе с женой и внуком (моим двухлетним сыном). Брат мой сначала лечился на юге, а потом, в 1940 году приехал в Киев. Процесс в легких был приостановлен и Всеволод продолжил учение в Киевском Политехническом институте.

Жизнь и работа отца в Киеве складывалась удачно. Атмосфера на работе была благоприятной, он встретил поддержку и дружеское внимание коллег и сотрудников. Семья жила в хорошей квартире на Малой Подвальной улице, в центре города. В Институте биологии Академии наук СССР отец совмещал теоретические исследования с работой в Отделе защиты растений Украинского института плодоводства. Если не считать постоянной тревоги за сына, все шло благополучно.

Война заставила отца с семьей эвакуироваться из Киева. События стали развиваться с ужасающей быстротой. Отец проводил своего старшего сына на завод в Харьков (за несколько дней до начала войны он защитил дипломный проект). Из Харькова завод вскоре спешно эвакуировался в Сталинград, где в ходе грозных и трагических событий войны брат мой оказался в смертельной опасности: у него стал быстро прогрессировать процесс в легких, он до того ослабел, что не мог ходить. Но все это стало известно отцу много позднее. Когда началась эвакуация украинской Академии наук, а за ней и других научных учреждений Киева, отец решил, что ему следует подождать – он не верил, что немцы смогут пройти так далеко... Он переехал с женой и внуком на левый берег Днепра и поселился там в колхозе, где начал работать и получил справку о выполнении норм, чем очень потом гордился. Но вскоре наступила пора страшных бедствий, им пришлось буквально бежать, когда немцы – в июле 1941 года – неожиданно подступили к Киеву. Ехали они, как говорится, «неорганизованно», т. е. двигаясь своими средствами – сначала на пароходе по Днепру; пароход подвергнулся воздушным налетам, капитан и несколько человек команды были убиты, судно потерпело аварию. Дальнейший путь на восток с маленьким ребенком был очень тяжелым. Только в августе 1941 года они добрались до Пржевальска, где, как случайно узнал отец в пути, требовались профессора и преподаватели в Педагогический институт. Там он получил должность заведующего кафедрой зоологии. Условия жизни и быта были трудными, как почти всюду во время войны. В Пржевальске отец читал в Пединституте курсы анатомии человека, гистологии, физиологии человека, дарвинизма и зоогеографии. По мнению сотрудников и коллег, он мог это делать в силу широкого образования и умения быстро осваивать новые отрасли науки. Сохранились конспекты его лекций – десятки мелко исписанных толстых тетрадей, иногда сшитых из листков бумаги различного происхождения, с отличными рисунками. Рисовал он с ювелирной точностью.

В Пржевальске, в июле 1942 года, отец получил из Сталинграда известие о том, что сын его смертельно болен, что он очень ослабел и что помочь ему в Сталинграде ничто не может. Это были самые тяжкие дни боев за Сталинград. И отец тронулся в путь за сыном. Наверно, этот путь был еще тяжелее, чем путь эвакуации, но папа все преодолел и вывез из Сталинграда, почти на руках, своего умирающего двадцатипятилетнего сына. Как он смог все это проделать –

я до сих пор не могу понять и представить: он и сам был сильно изнурен, ослаблен недоеданием и нуждой, денег у него не было... Ожидание катастрофы – смерти сына, приводило его в отчаяние. Он однажды уже пережил это состояние перед войной, мы этому были свидетелями...

Брат умер в Пржевальске 23 августа 1942 года, прожив там всего несколько дней. Отец чрезвычайно тяжело пережил его болезнь и смерть. Вообще, это было самым тяжелым горем всей его жизни. К постигшей его утрате присоединились неустроенность в бытовом отношении и острая нужда в средствах к жизни. Отец был совершенно больным от истощения и горя. Я все это время была в Ленинграде, пережила блокаду, работала на военном заводе. Сведений об отце я не имела очень долго, но постепенно узнавала все, что ему пришлось вынести. Вторым братом, Святославом, окончил в 1941 году Военно-медицинскую академию и с первых дней войны был на фронте; связь между ним, мной и родителями была скудной и редкой.

В 1943 году во Фрунзе был создан филиал Академии наук СССР (КИРФАН), должность заведующего его эколого-энтмологическим отделением была предложена отцу. Он переехал во Фрунзе сначала один, а жена и внук Андрей остались до августа 1944 года в Пржевальске.

В июле 1944 года, после освобождения Ленинграда от блокады, мне удалось съездить на несколько дней во Фрунзе. Я приехала в великолепный, сияющий солнцем город, зеленый, яркий и экзотический. Но отца я нашла в ужасном состоянии: он был худ, черен, оборван, жил в развалившемся доме. Его, кроме всего, еще и обокрали. В лице его я прочла тоску, в тусклых глазах неутешное горе и уныние.

Потом положение его улучшилось, как, впрочем, и у всех. Жена его с внуком в августе переехали к нему. Сначала они все жили в холодном и сыром доме, но потом получили хорошую квартиру, а материальное положение несравненно улучшилось – повысилась заработная плата, появились академические пайки, отца уже не так обременяли бытовые тяготы.

По приезде во Фрунзе отец читал лекции в Педагогическом институте, а в 1945-46 годах заведовал кафедрой зоологии Киргизского сельскохозяйственного института и в течение четырех лет был председателем Государственной аттестационной комиссии на трех факультетах – биологическом, физико-математическом и географическом. Все годы работы во Фрунзе отец успешно занимался научными исследованиями, особенно систематикой жуков, называемых земляными блошками (*Halticinae*), пополняя свою обширную коллекцию новыми сборами в различных районах Киргизии. В Киргизии же им была написана книга «К методике количественного учета и районирования насекомых» (42), в которой критически рассмотрены методы полевого изучения насекомых, преследующие как теоретические, так и практические цели. В работе изложены новые приемы статистической обработки, основанные на применении дисперсионного анализа Р. Фишера. Материалом для анализа послужили излюбленные автором земляные блошки. Книга была издана с большим опозданием – только в 1958 году.

Работа и общие условия деятельности в КИРФАН некоторое время вполне удовлетворяли отца. У него появились ученики, которые его высоко ценили и дорожили его помощью и руководством. Отец стремился пополнить пробелы в их образовании – в математике и даже в иностранных языках. Все они (в частности, Р. П. Караваева, М. Шапиро и др.) занимались прикладными отраслями биологии, никого из них отец не прочил в ученые теоретического плана, но в каждом стремился посеять сомнения в догмах общепринятых формулировок и умение думать самостоятельно.

Во Фрунзе у матери обострился порок сердца, которым она страдала смолоду. В 1947 году случился первый приступ, в феврале 1948 года она умерла. В том же году, в августе, отец женился на Ольге Петровне Орлицкой, с которой они были знакомы с ранней юности в Петербурге. Переписка с ней была редкой и случайной, но их связывала взаимная дружеская приязнь. (О. П. была мобилизована в начале войны в армейскую канцелярию, с которой она дошла до Берлина и провела там в наших оккупационных войсках два года. В 1947 году она вернулась из Берлина.) Ольга Петровна прожила с отцом 24 года, пережила его всего на четыре

месяца. Сразу же по выходе замуж за отца, она стала для него близким другом, секретарем, стенографисткой, хранительницей его архива. И она передала его надежным и заинтересованным людям: теперь архив находится в Ленинградском отделении Архива АН. Ольга Петровна облегчила моему отцу жизнь во всех отношениях, взяла на себя все житейские тяготы. И (что самое удивительное), она с жаром включилась в его деятельность, стала жить его интересами. Со стороны отца были столь же горячие и сильные чувства к Ольге Петровне все 24 года их совместной жизни. После смерти мужа она начала быстро слабеть и чахнуть и умерла через четыре месяца после него, утратив всякий вкус к жизни.

С течением времени условия работы отца в КИРФАНа ухудшились. Он, как всегда, совершенно открыто всюду высказывал свои мысли по научным вопросам, и во Фрунзе очень скоро стало известным его резко отрицательное отношение к теоретическим высказываниям Т.Д. Лысенко и его единомышленников. Отношение к отцу со стороны многих руководящих деятелей КИРФАНа круто изменилось к худшему. Особенно тяжелой стала для него служебная ситуация после 1948 года (печально известной сессии ВАСХНИЛ), когда стало очевидным, что из Киргизии надо уезжать.

VI. Ульяновск

Отец написал в Москву в Управление высшей школы просьбу о предоставлении ему профессорской должности в любом ВУЗе страны, кроме Москвы и Ленинграда (последняя оговорка объясняется отрицательным отношением отца к жизни в столицах вообще). Он получил несколько предложений, в том числе и Ульяновск. Он выбрал Ульяновск – у него сохранились воспоминания о том, как они с Блиссом были там однажды и стояли на Венце, любясь Волгой и Заволжьем. Отец сказал себе тогда, что хорошо бы было ему на закате жизни поселиться именно в Ульяновске. И вот он переехал туда, став заведующим кафедрой зоологии Ульяновского педагогического института. В этой должности он проработал с 1950 по 1955 год. Читал зоологию беспозвоночных, гистологию и эмбриологию, специальные предметы. Прожил он в Ульяновске до самой смерти, всего 22 года. В 1955 году ему исполнилось 65 лет, и он решил уйти на пенсию, чтобы иметь возможность отдать все силы и все время работе по собственному плану над вопросами теоретической биологии и философии, разработка которых была целью его жизненного пути. Во время работы в Педагогическом институте у него не раз возникали трения с администрацией, но именно годы, проведенные в Ульяновске, оказались самыми плодотворными для научной работы отца. Он был там окружен дружеским вниманием учеников и коллег, видел преданность и верность и – самое главное – интерес к его идеям. В Ульяновске у него появились новые друзья, многие были с ним до конца жизни и проводили его в последний путь.

Выйдя на пенсию, отец продолжал исследования по теоретической биологии, начало которым было положено в ранней юности – когда была поставлена задача создать естественную систему организмов. Накопленный материал ждал обработки. Отец составил план, разделенный на пятилетия. Эти планы сохранились в его дневниках. Он должен был обработать и закончить стройную систему естественных форм. Он начал и полагал, что успеет окончить книгу «Линии Демокрита и Платона в развитии культуры». Сначала он собрался эту тему предпослать в качестве предисловия к «главной книге своей жизни» – систематике земляных блошек, в которой он предполагал выразить не только свои мысли о существующих организмах, но и философское осмысление развития жизни. В ходе работы оказалось, что именно противопоставление идейных линий Платона и Демокрита в истории культуры создает нужный угол зрения для надлежащей постановки и решения вопросов, наиболее сильно волновавших его в науке. Отец настолько увлекся рассмотрением линий Демокрита и Платона, что отложил все, считавшееся раньше в его плане основным.

После того как отец вышел на пенсию, работа его учеников и сотрудников протекала во многих отношениях под его руководством. В определенные дни недели они приходили к нему и занимались с ним. Бывшие его сотрудники, Рэм Владимирович Наумов, Нина Николаевна Благовещенская, Виктор Степанович Шустов – стали близкими друзьями, поддержкой и опорой в жизни.

В шестидесятых годах были опубликованы работы отца, которым он сам придавал большое идейное значение. Этому предшествовал довольно длительный период «молчания», когда его не печатали вовсе. В 1962 году вышли статьи, посвященные понятию сравнительной анатомии, общей таксономии и эволюции (47, 48, 49), а также применению дискриминантных функций в таксономии. В 1963 году вышла работа о новых видах земляных блошек (51). Печатался отец и в Америке, в журнале «Evolution».

Вообще, жизнь его в пенсионный период шла относительно спокойно, научная продуктивность в это время была, по-видимому, самой высокой: он был свободен от официальной деятельности. Еще в конце войны он твердо решил, что в Ленинград не вернется. Нам, своим детям, он много раз говорил о неприятии ленинградского и московского образа жизни и

стиля работы, связанных с поездками по городу на большие расстояния, суетой больших городов, многочисленными заседаниями и множеством ежедневных «текущих дел». Он понимал, конечно, что в Москве и Ленинграде концентрировались главные культурные силы, но свое стремление покинуть город, в котором он родился, вырос и учился, где сложились основы его духовной жизни и направления творчества, обосновывал тем, что ему будет гораздо лучше жить в маленьком городе, работать там спокойно большую часть года, а в большие центральные города лишь наезжать, чтобы участвовать в конференциях, съездах, работать в библиотеках. Все, что от него самого в этом отношении зависело, он выполнил: каждый год приезжал в Москву и Ленинград, где нередко имел возможность выступать с докладами и сообщениями. В последние годы жизни у него завязались новые творческие связи, особенно с представителями молодого поколения ученых, в том числе с выдающимися представителями развивающейся живой жизни. Большею частью это были физики и математики, именно они проявили особенный интерес к работам и идеям отца.

В Академгородке Новосибирска он также встретил молодых ученых, с интересом и сочувствием слушавших его выступления. Среди них были люди той же специальности, что и отец – энтомологи и биологи, но немало было представителей точных наук. В Ленинграде он делал доклады на биоматематическом семинаре на факультете прикладной математики Университета, на семинаре Института цитологии АН СССР, во Всесоюзном энтомологическом обществе. Несколько раз он выступал и в различных научных обществах Москвы. Его доклады неизменно встречали исключительно живой интерес у слушателей, который переходил в те или иные формы научного общения.

Последние пятнадцать лет жизни отца, мне кажется, должны были принести ему наибольшее удовлетворение. Он встретил благодарных слушателей, способных и готовых к полемике, обладающих острым интересом к философским концепциям и обобщениям. Отец был для них интересен своей широтой и независимостью мышления, своей энциклопедической образованностью и могуществом аргументации. Отец вел очень большую переписку с разными лицами. Откликался на всевозможные вопросы, возникавшие в печати, на злободневные и исторические дискуссии. Таким образом у него все время появлялись новые и новые друзья в разных городах, и притом не только среди ученых. Он стал в каком-то смысле средоточием многих связей разных отраслей науки и вообще знания...

В апреле-мае 1972 года отец был в Ленинграде. В тот приезд его выступления собирали особенно большие аудитории, к нему ежедневно приходило очень много людей разного возраста из разных областей науки. Отец жил в атмосфере милой его сердцу полемики и обмена мнений. В ответе Энтомологическому обществу на поздравление к восьмидесятилетию он писал: «Мне польстило присуждение звания „возмутителя спокойствия“ Х. Насредина... Образ возмутителя спокойствия умов и совести людей восходит к бессмертному Сократу и его не менее гениальному ученику Платону. Приятна и ссылка Г. Я. Бей-Биенко на слова „Друг Платон, но больший друг – истина“ – это было всегда одним из моих руководств к действию. В своей полемике с друзьями я иногда был чрезвычайно, даже чрезмерно резок – но ни в одном случае такая резкая полемика не приводила к расстройству дружеских отношений. За мою жизнь у меня не оказалось ни одного неверного друга и ни одного предателя-ученика – такое счастье дано не каждому».

Передвигался отец на костылях вследствие перелома ноги в шейке бедра. За ним приезжали, увозили, потом привозили обратно. Я видела вокруг него молодых людей, милые молодые лица, полные интереса и внимания. Он был очень счастлив.

В Ульяновск он вернулся в середине мая. Как писала мне его жена, он целую неделю «счастливо отсыпался» после бурных ленинградских впечатлений. В начале августа отец с женой выехал в Тольятти, откуда уже не вернулся...

Отец оставил много неопубликованных трудов и огромную переписку с разными лицами. Значение сделанного им смогут оценить как его друзья и единомышленники, так и научные противники. Все его наследие (более 2000 печатных листов) хранится в архиве АН в Санкт-Петербурге.

Публикацию подготовила Н. А. Папчинская

Историческая публицистика

Мысли о Нюрнбергском процессе³

В этом году я видел два подлинных шедевра американского кино: «Двенадцать разгневанных мужчин» в Новосибирске, а недавно, 29 ноября, с Оленькой⁴ – «Нюрнбергский процесс» в кино «Дружба». По совершенству замысла и исполнения «Двенадцать разгневанных мужчин» не уступают, а может быть, даже превосходят «Нюрнбергский процесс», но последний шире по затрагиваемым проблемам⁵. Я хотел написать даже серьезную статью на эту тему, но так как у меня сейчас цейтнот, то ограничусь наброском, может быть, пригодится для будущего, в частности для «Баланса октября»⁶.

«Нюрнбергский процесс» (производство США) касается не процесса 1945 года⁷, когда судили главных немецких преступников, а процесса 1948 года, когда судьи были только американцы (три судьи), судившие в американской зоне четырех судебных деятелей. Из них три – явные нацисты, типичные представители гитлеровского верха, а четвертый (главный подсудимый в фильме), Эрнст Янинг, оказался среди нацистов неожиданно: он, в прошлом знаменитый прогрессивный юрист, вдруг в конце концов оказался министром юстиции при Гитлере, подписывавшим приговоры о стерилизации неполноценных и смертные приговоры (тут рассматривался только один) евреям за расовую измену (связь с арийкой). Ни один из подсудимых не признал себя виновным, а Янинг с самого начала отрицал подсудность, но в конце под впечатлением речи своего адвоката, который перестарался в его пользу и с чрезмерным пристрастием допрашивал немку, обвиняемую в связи с евреем (это она отрицала, но говорила, что этот еврей был самым добрым другом ее родителей и много помогал ее воспитанию, отчего она держала себя с ним как с отцом), он выступил с сознанием своей вины, отчего другие его товарищи кричали ему «предатель». В тюрьме он тоже держался одиноко от товарищей.

Все артисты играли блестяще: и главный судья – простой, скромный и умный человек, блестящий адвокат, тоже выдающийся обвинитель. Очень хороша была дикция, так что я почти ничего не пропустил, судья вместе с другими членами суда (против третьего, который стоял за смягчение) приговаривает всех к пожизненному заключению, но в конце сообщается, что все они были выпущены через несколько лет из тюрьмы.

³ Впервые в журнале «Звезда» 1991, № 2, публикация и комментарии М. Д. Голубовского.

⁴ Ольга Петровна Орлицкая (ум. в 1972 спустя четыре месяца после смерти А. А.) – друг и жена Любищева в последний период его жизни (1948–1972). Была его секретарем, хранительницей архива. Составила книгу переписки Любищева «Мысли о многом». Ульяновск. 1997. О ее важной роли в жизни и переписки Любищева см. также кн.: Александр Александрович Любищев. Л. Наука. 1982 и А. А. Любищев. В защиту науки. Статьи и письма. Л.: Наука, 1991.

⁵ Оба философско-публицистических фильма поставлены американским режиссером Стэнли Крамером, были дублированы на русский язык в 60-е годы.

⁶ Название неосуществленного замысла. Частично этой темы Любищев коснулся в статье «Идеология Сент-Экзюпери», публикуемой в данной книге (впервые в «Звезда», 1993, № 10, публикация Р. Г. Баранцева) и статье «Венгерская трагедия» («Новое время», 1991, № 43).

⁷ Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками состоялся 20.11.1945–1.10.1946. Перед военным трибуналом из представителей СССР, США, Великобритании и Франции предстали 24 подсудимых, которые имели немецких адвокатов по своему выбору или по назначению Трибунала. Рассматривался вопрос о признании преступными ряда организаций гитлеровского режима – в их защиту выступали 8 немецких адвокатов. За преступления против мира и человечества 12 обвиняемых были приговорены к смертной казни через повешение (среди них И. Риббентроп, В. Кейтель, А. Розенберг, З. Кальтенбрунер, А. Йодль); Р. Гесс, В. Функ и Э. Редер – к пожизненному заключению. Трое подсудимых – Г. Фриче, Ф. Папен и Г. Шахт (министр экономики в правительстве Гитлера до 1938 года) были оправданы. Впервые в истории агрессия была признана тяжким преступлением, а также были признаны преступными ряд организаций гитлеровского режима.

Острый конфликт резюмирован в последней беседе адвоката с главным судьей. Адвокат как будто потерпел поражение, судья признает, что защита была блестящей, и признает, что логика за адвокатом, но на стороне судьи справедливость. Адвокат в свою очередь говорит, что готов держать пари – долго в тюрьме обвиняемые сидеть не будут (что оказалось правильным).

Выявлены три принципа: 1) логика, вернее, строгая закономерность, легитимность; 2) справедливость и 3) целесообразность. Преступники из тюрьмы выпущены, потому что американцы в силу проявившейся агрессии Сталина (захват Чехословакии и самоубийство Массарика⁸, перерезка путей в Западный Берлин, отчего приходилось снабжать западные секторы воздушным путем), как правило, считали необходимым идти навстречу немцам, видя в них потенциальных союзников при агрессии со стороны СССР, и считали, что нельзя обвинять весь немецкий народ за преступления Гитлера и его банды.

Противоречивы ли эти три принципа? Если по существу противоречивы, то это очень плохо прежде всего с точки зрения возможности людей договориться между собой, перспектив разоружения и вечного мира. А если они совместимы, то как получается, что умные люди (и неплохие оба) не могут договориться? Нельзя ли найти такую точку зрения, где бы эти принципы оказались непротиворечивыми? Вот попытку ответить на этот вопрос и составляет настоящий набросок.

Положительное и естественное право

Возьмем сперва логическую сторону, юридическую. Как можно говорить, что гитлеровские изверги не подсудны? На это можно ответить: изверги были и раньше, и они никогда не были подсудны. Адвокат правильно говорит, что и противники Гитлера исходили из следующих положений:

1. «Права или не права – но это моя родина», то есть я имею не только право, но даже обязанность защищать свое отечество даже в том случае, если оно ведет несправедливую войну или в ходе войны совершает преступление: постулат абсолютного патриотизма.

2. «Судья не составляет законы, а заботится об их исполнении»: содержание законов не касается судьи и вообще работников юстиции (не указано, как мне помнится, адвокатов, но можно прибавить).

3. Постулат абсолютного суверенитета государств: никто не имеет юридического права вмешиваться во внутренние дела государства и за дела в пределах своего государства правитель юридически не отвечает, так как нет законов для глав государства (единственным известным мне исключением является «право законного восстания» Великой Хартии вольностей, руководствуясь которым английские фронтеры добились организации парламента). По теории правители отвечают только перед Богом (в абсолютных монархиях) или перед народом (в демократических республиках).

4. Выводом из предыдущего было, что отношения между народами нормируются не судом, а добровольными договорами или, если договоры не привели к результату, войной. Война не считалась преступлением, а война, даже самая справедливая, всегда сопряжена с гибелью не только воинов, но совершенно неповинных мирных людей и со многими другими кошмарами. Напротив, даже ремесло воина считалось почетным, и крупные полководцы пользовались славой совершенно независимо от того, в каких войнах и как они себя проявили. Даже Тамерлан находил защитников в лице, например, Марло⁹, а имя Чингисхана пользуется

---

⁸ Массарик Ян (1886–1948) – государственный деятель Чехословакии. В 1940 году – министр иностранных дел в чехословацком эмигрантском правительстве, с апреля 1945 г. – в правительстве национального фронта чехов и словаков; после февральского переворота 1948 года – министр иностранных дел в новом правительстве. Будучи не согласен с просталинской политикой правительства и развязанным в стране террором покончил с собой.

⁹ Марло Кристофер (1564–1593) – английский поэт и драматург, ровесник и предшественник Шекспира. В 1588 году

большим авторитетом у многих азиатских народов. Культурные венгры поставили памятник своему предку Аттиле и даже гордятся тем, что происходят от гуннов. У нас Суворов считается национальным героем, хотя большинство его войн или бессмысленны или антинародны (подавление пугачевского восстания, разгром Польши: «Мы о камни падших стен младенцев Праги разбивали, когда в кровавый прах топтали красу костюшковских знамен») ¹⁰. Нельзя поэтому говорить, что войны навязывались народам. К сожалению, почти все народы любят победоносные войны.

Идеи вечного мира (Кант) большинством считаются утопиями, и под это подводятся и идеологические основания: «Вечный мир есть мечта, и притом совсем не прекрасная», «Не будь войны, мир погряз бы в материализме» (Мольтке) ¹¹, «Великие вопросы времени решаются только кровью и железом» (Бисмарк), «Насилие есть повивальная бабка истории» (Маркс). Конечно, Маркс и марксисты отрицают «вечность» международных войн, они признают лишь «временные» гражданские войны, за которыми должно последовать царство вечного мира, но история последнего полувека, отношения СССР и Китая заставляют сомневаться, что даже если бы во всем мире наступил коммунизм, причины войн (территориальные претензии) полностью исчезли бы, так как ни СССР, ни Китай, несмотря на свой социализм, от принципа абсолютного суверенитета отказываться не намерены. Даже наш гуманнейший философ В. Соловьев в «Трех разговорах» оправдывал войну, иллюстрируя это законной расправой русских войск над бесчинствующими башибузуками ¹². Правда, В. Соловьев не указал, а как быть русскому воину, если бесчинствуют русские войска? Должен ли он выступить против своих или, припоминая первый постулат «Моя родина – права или не права», со скрежетом зубным защищать «своих» извергов.

5. Последним общим постулатом было положение: «закон обратной силы не имеет»: нельзя отвечать по несуществующему закону. А так как закона, регулирующего отношения между государствами, не было и не было инстанции для суда над государствами, то и судить правителей войны не было юридических оснований. И, надо сказать, это правило соблюдалось и в отношении побежденных, где сила была очевидно на стороне победителей. Их при полном поражении рассматривали в худшем случае как военнопленных, а не как преступников. Наполеон пролил много крови, совершил немало преступлений даже с явным нарушением тогдашних международных норм (расстрел герцога Энгиенского и книгопродавца Тальма, расстрел двух тысяч арабов, сдавшихся на честное слово наполеоновского генерала) и за пределами Франции. Но его не судили: сначала с почетом заключили как военнопленного на Эльбе, а когда он произвел новый переворот, заключили (как особо опасного военнопленного) на острове Святой Елены. Шамиль оказался в полной власти русских войск, и он сам рассчитывал, что его не помилют, но его как почетного военнопленного отправили в Россию ¹³.

написал большую трагедию «Тамерлан Великий», затем ряд пьес и драматургических хроник. В 1961 году в Москве в Госиздате вышла книга: К. Марло «Сочинения», которая послужила поводом Любищеву для написания эссе «О Гуманизме, Ренессансе, Тамерлане и Марло» (1963). Любищев оспаривает отнесение Марло к гуманистам.

¹⁰ Прага – предместье Варшавы. Речь идет о жестоком подавлении войсками Суворова польского восстания 1793 года во главе с Костюшко. Любищев цитирует строки Пушкина из «Графу Олизару» (1824).

¹¹ Мольтке Хельмут (1800–1891) – прусский фельдмаршал, последователь К. Клаузевица, идеолог и организатор ряда войн в Европе, включая войну с Францией 1870–1871 гг.

¹² Имеется в виду эссе философа Владимира Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести и с приложениями». Собр. соч. в 2-х томах. Том 2, с. 635. М.: Мысль, 1988. В эссе ведется разговор о путях борьбы со злом с трех точек зрения: священника, политика и генерала. Генерал считает самым нравственным делом в своей жизни военное преследование и уничтожение турецких солдат («башибузуков»), учинивших геноцид армян и виновных в убийстве женщин и грудных детей.

¹³ Шамиль (1798–1871), третий имам Дагестана и Чечни, в течение 25 лет вел войну против России под лозунгом газават или «священной войны». Создал на территории Северо-Восточного Кавказа мусульманское государство (имамат). В 1859 году имамат был разгромлен русскими войсками, Шамиль взят в плен и отправлен в ссылку в Калугу. В 1870 году он был отпущен на паломничество в Мекку, где и умер.

Отсутствие возможного судилища не мешало развитию международного права, основанного на добровольно принятых обязательствах между государствами. В отличие от прежних понятий, мирные граждане брались под защиту, жизнь сдавшихся военнопленных была неприкосновенной, и никто не имел права принуждать военнопленных работать на пользу враждебного государства. В начале русско-японской войны в русской печати было торжественно провозглашено: «С военнопленными, как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво». Так оно и было. Русско-японская война была последней войной, в которой эти нормы международного права соблюдались. В Первую мировую войну уже широко практиковался труд военнопленных на стратегических сооружениях. Кто начал, Россия или Германия, мне неизвестно, но известно, что на постройке стратегической Мурманской железной дороги погибли от цинги и прочего десятки тысяч немецких военнопленных, отчего в виде протеста Вильгельм перевел пленных русских офицеров на положение солдат, хотя по принятым нормам офицерам, смотря по чину, полагалось лучшее содержание. Кроме того, сам факт объявления блокады всей Германии (попытка взять голодом всю страну) обозначал смешение комбатантов¹⁴ и некомбатантов, что раньше допускалось только по отношению к крепостям (предполагалось, что мирные жители могли покинуть крепость).

Несомненно, что в XIX веке прогрессивная мысль не мирилась с идеей вечности и законности войн. Уже были случаи гаагских конференций¹⁵ для разбора конфликтов между государствами (конфликт США и Англии по поводу «Алабамы»)¹⁶. Уже выступали пацифисты (Берта Зутнер, Л. Толстой)¹⁷, что и нашло выражение в проекте, выдвинутом Николаем II, полного разоружения и передачи разбора всех конфликтов Международному Гаагскому трибуналу. Тогда этот проект был высмеян, в частности, марксистами. Он, конечно, был преждевременен, но он был логически последователен. Нашим недавним правителем, «марксистом» Хрущевым, выдвинут совершенно нелепый проект разоружения, где никакого международного трибунала не предусмотрено, так как новейший проект предполагает: 1) СССР во всех конфликтах как более прогрессивное государство всегда право; 2) по отношению к СССР сохраняется принцип суверенитета, но не по отношению к капиталистическим государствам; 3) наши границы и границы социалистических государств пересмотру не подлежат, а границы капиталистических государств подлежат; 4) насилие отрицается в отношениях между странами, а для революции приветствуется насилие. Пацифистские стремления XIX века рассматривались как утопия, либеральные мечты о постепенной эволюции в пользу пацифизма считались обманом классового врага.

Но в XX веке появилось учение Ганди, которое при всей своей гуманности и при полном отрицании насилия оказалось эффективным. Это опровергло насмешки марксистов, в частности Ленина, что отрицать допустимость кровавых революций могут только «интеллигентные

---

¹⁴ Комбатанты – лица, входящие в состав вооруженных сил воюющей стороны. Попадая в руки противника, комбатанты имеют статус военнопленных. Лица, входящие в состав медицинского и духовного персонала вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, согласно Протоколу I дополнения к Женевской конвенции 1949 года, относятся к некомбатантам. Они не должны считаться военнопленными, их нельзя принуждать к работе (см. Дипломатический словарь. М.: Наука, 1986).

¹⁵ Гаагские мирные конференции состоялись в 1899 и 1907 годах. В первой из них, созданной по инициативе России, участвовало 27 государств. Были приняты три конвенции. В 1907 году участвовало 44 государства, принявшие 13 конвенций. В 1955 году правительство СССР заявило, что признает ратифицированные Россией конвенции и декларации 1899 и 1907 годов в той мере, в какой они не противоречат уставу ООН.

¹⁶ «Алабама» – англо-американский конфликт времен гражданской войны в США 1861–1865 гг. Связан с возмещением Англией ущерба, нанесенного ее военными кораблями, которые, сражаясь на стороне южан, уничтожали мирные торговые суда северян. Так, крейсер «Алабама» потопил более 60 судов. Согласно решению Международного Арбитража 1872 года Англия уплатила в пользу США 15,5 млн. долларов.

¹⁷ Берта Зутнер (1813–1914) – австрийская писательница и общественный деятель-пацифист, лауреат Нобелевской премии мира 1905 года. Ее роман «Прощай, оружие» (1889) сыграл большую роль в мировом пацифистском движении. Активно участвовала в Гаагской мирной конференции 1891 г. и затем возглавила движение пацифистов Европы. Способствовала решению А. Нобеля выделить специальную премию мира.

хлюпики». Ганди достиг великолепного результата – освобождения своей родины Индии не только без призывов к насилию, но с призывом к прекращению сопротивления, когда борьба приобретала кровавые формы. Он не достиг полного успеха (кровавая борьба мусульман и индусов) и сам пал жертвой фанатика-расиста, но его дело не пропало. Несомненно, что Ганди не единственный, но наиболее крупный деятель теории мирного сопротивления. Как известно, Л. Толстой был ему родственен, но, по-видимому, перегибал палку в сторону полного непротивления злу. Как раз у нас в России можно зарегистрировать две блестящие победы, связанные с пассивным сопротивлением: всеобщая забастовка в октябре 1905 года и февральская революция 1917 года.

Антимилитаризм этого сорта предполагает отказ от первого постулата – абсолютного патриотизма: каждый гражданин имеет не только право, но и обязанность выступать и против своего отечества (руководствуясь принципом мирного сопротивления не с оружием в руках, а речами, пропагандой, забастовками и проч.), если оно ведет несправедливую войну. И таких случаев зарегистрировано немало: Ллойд Джордж выступал против англо-бурской войны и был чуть не убит ультрапатриотами; во время Суэцкого конфликта в Англии и Франции даже по радио выступали противники вмешательства, что привело к падению Идена; сейчас в США идет усиленная борьба против вмешательства во Вьетнаме, вплоть до самосожжения¹⁸; насколько мне известно, советские войска в Будапеште отказались стрелять в венгров, и венгерская революция была подавлена свежими привезенными частями¹⁹. Общее положение: каждый должен видеть и свои собственные грехи, а не считать, что никакая критика своего отечества не допустима. Впрочем, даже в России во время русско-японской войны велась довольно энергичная критика войны либеральными кругами (например, Милуковым, который даже в начале Первой мировой войны был против военного вмешательства России: впоследствии и он стал ультрапатриотом).

Таким образом, с точки зрения того, что называется положительным правом (совокупность опубликованных и неотмененных законов), даже главные преступники не были подсудны суду победителей: они могли считаться только военнопленными. Их можно было судить не с точки зрения положительного права, а только с точки зрения естественного права, на основе которого творились великие революции, которые все с точки зрения положительного права (опять-таки за исключением английского права законного восстания) были противозаконными. Существующее положительное право объявлялось нарушением естественного права, и тогда соблюдался принцип, что закон обратной силы не имеет, так как естественное право предполагалось действующим вечно, но нарушенным введением определенных законов, противоречащих естественному праву.

Это прекрасно выражено в манифесте свободного человечества, «Общественном договоре» Ж. Руссо: «Человек родился свободным, а он повсюду в цепях». Хотя цепи разного рода утверждены положительным правом, это не имеет значения с точки зрения естественного права, и такого рода законодатели являются преступниками. Апелляцией к естественному праву проникнута и Декларация независимости США. Там справедливость отделения штатов от Англии обосновывалась так: «Мы считаем, что следующие истины не требуют доказательства: все люди созданы равными, и Создатель дал им неотчуждаемые права на жизнь, свободу и стремление к счастью; мы считаем, что правительства среди людей создаются лишь для того,

---

¹⁸ Любищев писал свою статью в 1965 году.

¹⁹ Речь идет о венгерском восстании в октябре 1956 против просталинского режима. Восстание было жестоко подавлено введением советских войск в Венгрию. По свежим следам событий Любищев в конце 1956 года написал статью «О смысле и значении венгерской трагедии», где писал, что «народное восстание в Венгрии – первый страшный удар по сталинизму в международном масштабе». Сокращенный вариант этой статьи был опубликован в журнале «Новое время» (1991, № 43), а затем переведен на венгерский язык и опубликован в Венгрии. Признание этих событий именно как «народного восстания» было официально сделано в заявлении венгерского руководства лишь в 1989 году.

чтобы обеспечить им эти права, и что права и полномочия правителей зависят от согласия управляемых. Это значит, что если система правления вредит или нарушает эти цели, правом народа является изменение или устранение правительства или установление нового правительства, которое основано на этих принципах и формы и строения которого стремятся обосновать безопасность и счастье народа». С точки зрения положительного права, Дж. Вашингтон, офицер английской армии (и, согласно тогдашним законам, добровольно вступивший в армию), есть изменник своему государю, которому он присягал. С точки зрения естественного права, он герой, сохранивший верность своему народу и отказавшийся повиниться государю, нарушившему естественный закон.

Великая революция с точки зрения естественного права есть восстановление закона, а не его нарушение. Хотя марксисты мало говорят об естественном праве, но и Маркс говорит о социальной революции, что это «экспроприация экспроприаторов»: классовое законодательство по самой своей природе является грабежом трудящихся, и потому отнятие имущества капиталистов является восстановлением закона, а не нарушением его (хотя с точки зрения положительного права это, несомненно, нарушение закона)²⁰. Такой взгляд принимают в исключительных случаях и правители: негры в США были освобождены без выкупа Линкольном, это было явное нарушение положительного права, так как торговля неграми была легализована, а лица, законно вложившие свой капитал в живой товар, разорялись без всякого преступления с их стороны. Но было признано, что владение людьми есть явное нарушение естественного права, и рабовладельцы, вполне лояльные граждане, были наказаны за недостаточное понимание этого права.

Поэтому адвокат в Нюрнбергском процессе вполне безупречен с точки зрения положительного права, но его можно вполне успешно критиковать с точки зрения права естественного. Почему же судья не критиковал его с этой точки зрения? Понятие справедливости, к которому апеллировал судья, и есть одно из выражений естественного права. Но вся беда в том, что понятие справедливости, как и в данном фильме, чаще всего обосновывается эмоциональными, а не рациональными истинами. С точки зрения рациональной, естественное право очень мало разработано.

В «Философском словаре» 1963 года статья «Естественное право» начинается словами: «Естественное право – учение об идеальном, независимом от государства праве, вытекающем будто бы из разума и природы человека. Идеи е. п. сводятся к Сократу, Платону, Фоме Аквинскому, Спинозе, Локку, Руссо, Монтескье, Гольбаху, Канту, Радищеву». Как указывает словарь, в период империализма е. п. пользовались в сильно искаженной форме особенно в католической церкви для защиты капитализма. Отсюда вытекает, что нет единого естественного права, что марксисты или не заинтересованы в разработке естественного права, или подсознательно защищают особенное естественное право, отличное от естественного права капиталистических стран. Кроме того, естественное право, основанное на разуме, может принимать самые различные формы. Например, вполне законно можно сомневаться в первом постулате: «Все люди созданы равными». Его можно заменить, руководствуясь современной генетикой и эволюционной теорией, другим: «Все люди рождаются неравными и никто не имеет права претендовать на лучшее положение в обществе, чем то, которое он может занимать по своим

---

²⁰ О ложности и нравственной несостоятельности лозунга Маркса и большевиков «экспроприация экспроприаторов» или «грабь награбленное» и его последствиях В. Г. Короленко еще в 1920 году писал А. В. Луначарскому: «Теперь я ставлю вопрос: все ли правда в вашем строе? Нет ли следов такой же лжи в том, что вы успели теперь внушить народу? По моему глубокому убеждению, такая ложь есть, и даже странным образом она носит такой же широкий „классовый“ характер. Вы внушили восставшему и возбужденному народу, что так называемая буржуазия („буржуй“) представляет только класс туенядцев, грабителей, стригущей купоны, и – ничего больше... Правда ли это?... Своим лозунгом „грабь награбленное“ вы сделали то, что деревенская „грабижка“, погубившая огромные количества сельскохозяйственного имущества без всякой пользы для вашего коммунизма, перекинулась в города, где быстро стал разрушаться созданный капиталистическим строем производственный аппарат» (см.: Своевременные мысли, или Пророк в своем отечестве. Лениздат, 1989).

способностям». Может быть, причина, почему марксисты не заботятся об естественном праве, такова: основоположники учения об естественном праве были явные идеалисты, религиозные мыслители, а материалисты, развивающие нечто подобное естественному праву, были противники социализма (Гоббс: человек человеку – волк, борьба всех против всех, социал-дарвинисты).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.